

ООО «Наука и образование»

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

Серия:

Исторические науки.

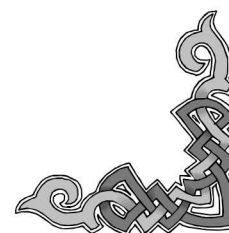
Культурология.

Политические науки.

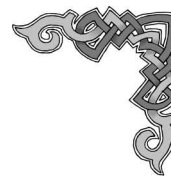
№ 1–2

2020

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:

Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.

2020, № 1–2

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки».

Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки.

www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич – доктор социологических наук, профессор.

EDITOR-IN-CHIEF:

Mikhail Yu. Popov – Doctor of Sociology, Professor.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Yulia Yu. Bugaenko – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kuban State Agrarian University.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

HEAD OF THE EDITORIAL OFFICE:

Elena A. Shelkova

ПЕРЕВОДЧИК: Шелкова Елена Андреевна

FIRST: *Elena A. Shelkova*

КОРРЕКТОР: Попов Михаил Юрьевич

CORRECTOR: *Mikhail Yu. Popov*

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет».

THE MURDERERS:

LLC «Science and Education»;
FGBOU VPO «Adygeya State University».

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар,
ул. Красных партизан, 371, оф. 2.

**ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE
AND PUBLISHER:**

350049, Krasnodar Territory, Krasnodar, Krasnykh
Partisan Street, 371, Fr. 2.

Тел. (861) 226-08-65

E-mail: milena.555@mail.ru

Тел. (861) 226-08-65

E-mail: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Понеделков Александр Васильевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Члены редакционного совета:

Васьков Максим Александрович – доктор социологических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Виктор Збигнев – доктор политологии, профессор, Вроцлавский университет, Польша;

Волкова Полина Станиславовна – Член Союза композиторов Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет;

Гаврилова Надежда Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет;

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства и политологии, Адыгейский государственный университет;

Железняков Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора по научной работе, Институт востоковедения Российской академии наук;

Касьянов Валерий Васильевич – доктор исторических, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет;

Киселёва Наталья Витальевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Российской таможенной академии (Ростовский филиал);

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Alexander V. Ponedelkov – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Political Science, Professor, Professor of Political Science and Ethnology of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, South Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Improving Efficiency of State and Municipal Administration.

Members of the editorial Board:

Maxim A. Vaskov – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Education and Pedagogical Sciences of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University;

Victor Zbignev – Doctor of Political Science, Professor, University of Wroclaw, Poland;

Polina S. Volkova – Member of the Union of Composers of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Cuban State Agrarian University;

Nadezhda Yu. Gavrilova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technology, Tyumen Industrial University;

Zuriet A. Zhade – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department Theories and history of law and state and political science, Adygei State University;

Alexander S. Zheleznyakov – Doctor of Political Science, Deputy Director for Scientific work, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;

Valeriy V. Kasianov – Doctor of History, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Dean of the Faculty Journalism, Cuban State University

Natalia V. Kiselyova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of the State and Law, Russian Customs Academy (Rostov branch);

Кислицын Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственный университет;

Логина Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева;

Рассказов Леонид Павлович – Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

Старостин Александр Михайлович – доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, Ростовский государственный экономический университет;

Узунов Владимир Владимирович – доктор политических наук, доцент, директор, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД РФ;

Циткилов Петр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет;

Чапурко Татьяна Михайловна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

Шефель Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия.

Sergey A. Kislitsin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Political Science and Ethnic Policy, South Russian Institute of Management, Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation;

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy, Cultural Studies and social communications, Kostroma State University;

Marina V. Loginova – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Library and Formation Resources, Mordovsky State University named after N.P. Ogarev;

Leonid P. Rasskazov – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of History, Doctor of Law, Head of the Department of Theory and History of Law and State Faculty of Law, Cuban State Agrarian university;

Alexander M. Starostin – Doctor of Political Science, Professor, Honorary Worker of the Highest Professional of the Russian Federation, Director of the Institute of Interdisciplinary Studies Global processes and glocalization, Rostov State Economic University;

Vladimir V. Uzunov – Doctor of Political Science, Associate Professor, Director, Crimean Branch of the Federal Scientific and Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

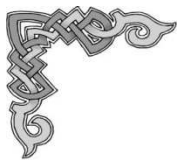
Ivan V. Uporov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Petr Ya. Citkilov – Doctor of Historical Sciences, Professor of Social Technology, Southern Federal University;

Tatiana M. Chapurko – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Departments of Criminal Law, Faculty of Law, Cuban State Agrarian University;

Sergey V. Shefel – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Affairs Disciplines, Crimean branch of the Russian State University of Justice.

СОДЕРЖАНИЕ:

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аганов А.А.

Влияние европейских революций на внутреннюю политику императора Александра I 9

Киселёва Н.В.

Рецензия на монографию И.П. Задерейчука «Немцы Крыма – жизнь во благо» 15

Рамазанов Р.О.

Мусульманское образование в Северо-Кавказском регионе в новейшей истории России:
состояние и тенденции (на примере Дагестана) 18

Шахбанова М.М.

Отражение социально-экономического положения городского населения Дагестана
на состояние межнациональной сферы в новейшей российской истории 25

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ледовская О.В.

Варианты феминистской эпистемологии: общее и особенное 39

Паршин А.Б., Терещенко О.В.

Молодёжные субкультуры в современной России 42

Федоровский А.П.

Прогностические возможности социальной рефлексии 45

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лазриев И.Г.

Военно-политическое влияние США и стран НАТО на подконтрольных территориях
с применением модульных полевых подвижных пунктов управления 51

Мамиева Б.Ю., Качмазова З.Н.

Информационная война в аспекте грузино-осетинского конфликта:
подготовка, проведение, основные характеристики 59

Терещенко О.В.

Политологический анализ влияния кризиса духовности
на криминализацию российского общества 65

CONTENTS:

HISTORICAL SCIENCES

Andrey A. Aganov

The influence of european revolutions on the internal politics of Emperor Alexander I 9

Natalia V. Kiseleva

Review of the monograph I.P. Zadereychuk «The Germans of Crimea – life for good» 15

Rashid O. Ramazanov

Muslim education in the North Caucasus region in the history of Russia:
status and trending (in the example of Dagestan) 18

Madina M. Shahbanova

Reflecting the socio-economic situation of the urban population
of dagestan on the state of the inter-ethnic sphere in modern Russian history 25

CULTURAL SCIENCE

Oksana V. Ledovskaya

Variants of feminist epistemology: general and special 39

Artem B. Parshin, Olesya V. Tereshchenko

Youth subcultures in modern Russia 42

Alexander P. Fedorovsky

Predictive possibilities of social reflection 45

POLITICAL SCIENCES

Igor G. Lazriev

Political-military influence of the USA and NATO countries
in the controlled territories using modular field mobile control points 51

Bela Yu. Mamieva, Zarina N. Kachmazova

Information war in the aspect of the Georgian-Ossetian conflict:
preparation, conduct, basic characteristics 59

Olesya V. Tereshchenko

Politological analys effects of the crisis
of spirituality criminalization of the Russian society 65

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аганов Андрей Анатольевич
магистр по специальности
«История России
и стран ближнего зарубежья»,
экскурсовод,
Ростовский исторический парк
79289013427@yandex.ru

Влияние Европейских революций на внутреннюю политику императора Александра I

Аннотация. В XIX веке Россия остро нуждалась в проведении реформ, которые должны были укрепить органы государственной власти и управления, избавить страну от злоупотреблений. В XVIII веке она стала ведущей мировой державой, влияющей на европейскую и мировую политику. Несмотря на успехи во внешнеполитических делах, внутри самой России были проблемы, которые могли рано или поздно привести к потрясениям, расшатать существующий государственный строй. В данной статье рассматривается процесс влияния европейской политики императора Александра I на его внутреннюю политику после завершения наполеоновских войн. Зачастую именно европейская политика императора Александра I играла решающую роль при реализации программы реформ в Российской империи в первой четверти XIX века.

Ключевые слова: Александр I, Государственная уставная грамота, Европа, Конституция, революция.

Внутренняя и внешняя политика – это основополагающая часть государственной политики. Любая страна на определенных этапах своего существования сталкивается с тем, что она нуждается в проведении широкомасштабных реформ, которые смогут способствовать модернизации государственного управления и, тем самым, позволят государству сделать шаг вперед, встать в один ряд с развитыми державами. Российское государство, как и любое другое служит одним из таких примеров. Реформы, проводимые на современном этапе развития нашей страны, направлены на укрепление государственного аппарата. На них оказывают влияние события, происходящие как в Европе, так и внутри самой России. Учет мнения различных слоев населения, диалог между властью и различными социальными слоями общества помогают найти консенсус между ними.

В XIX веке Россия остро нуждалась в проведении реформ, которые должны были укрепить органы государственной власти и управления, избавить страну от злоупотреблений. В XVIII веке она стала ведущей мировой державой,

Andrey A. Aganov
Master in specialty
«History of Russia
and Neighboring Countries»,
Guide,
Rostov Historical Park
79289013427@yandex.ru

THE INFLUENCE OF EUROPEAN REVOLUTIONS ON THE INTERNAL POLITICS OF EMPEROR ALEXANDER I

Annotation. In the 19th century, Russia was in dire need of reforms that were supposed to strengthen the state government and government, to rid the country of abuses. In the 18th century it became the world's leading power influencing European and world politics. Despite the successes in foreign policy affairs, within Russia itself there were problems that could sooner or later lead to upheavals, to shake the existing state system. This article examines the process of the influence of the European policy of Emperor Alexander I on his domestic policy after the end of the Napoleonic wars. Often, it was the European policy of Emperor Alexander I that played a decisive role in the implementation of the reform program in the Russian Empire in the first quarter of the 19th century.

Keywords: Alexander I, State charter, Europe, Constitution, revolution.

влияющей на европейскую и мировую политику. Несмотря на успехи во внешнеполитических делах, внутри самой России были проблемы, которые могли рано или поздно привести к потрясениям, расшатать существующий государственный строй. Главной проблемой, сдерживающий экономический рост России, было крепостное право. Второй проблемой было то, что существующие органы государственного управления не отвечали современным требованиям и нуждались в реформировании, повышении их эффективности. Неограниченная власть, сосредоточенная в руках императора позволяла привести к любому произволу правителя. Ее существование могло привести к тому, что самого монарха могли убить из-за тех или иных его решений.

Александр I прекрасно знал об этих проблемах. После завершения наполеоновских войн император мог, наконец-таки, вернуться к внутренним делам. Многие российские солдаты и офицеры во время Заграничного похода побывали в европейских странах. Там они увидели другие порядки и качественно иной уровень жизни. Молодые

офицеры осознали, что в России многое нужно изменить. Например, крепостное право необходимо было отменить или установить в стране конституционные порядки и создать представительный орган власти.

В 1815 году Александр I даровал Царству Польскому Конституцию, которая на тот момент была одной из самых либеральных в Европе. По его поручению, его советники разрабатывали проекты отмены крепостного права. 15 марта 1818 года Александр на открытии сейма выступил с довольно интересной речью. Мы приведем из нее интересующий нас отрывок: «Образование, существовавшее в вашем крае, позволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно свободных учреждений,... которых спасительное влияние надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны. Провидением попечению моему вверенные» [1, с. 3–4]. В приведенном нами в данной статье отрывке, мы видим, что император в открытую сказал, что хочет распространить на Российскую империю конституционные порядки, существовавшие в Царстве Польском.

В декабре 1818 года Александр поручает своему старому другу графу Н.Н. Новосильцеву разработать проект будущей Российской конституции. К лету 1820 года был составлен окончательный проект Конституции. Новосильцев и Вяземский (помощник графа) в конце мая 1820 года прибыли в Петербург, где у последнего состоялся разговор с Александром. Император заявил ему, что, несмотря на все затруднения, он введет в стране Конституцию [10, с. 87–88]. Общество ожидало, что уже скоро император обнародует Конституцию. Скорее всего, их ожидания были не напрасны. Новосильцев подготовил проект Манифеста о введении в силу Государственной уставной грамоты [15, с. 73–75]. В тексте Манифеста также не упоминается термин «Конституция», говорится только о совершенствовании существующего порядка. Одновременно, Новосильцев приготовил и второй манифест [15, с. 76], который уничтожал польскую конституцию 1815 года. Она становилась ненужной в силу того, что все те права и свободы, которые были исключительно у поляков, теперь получали все подданные императора. Но император осенью 1820 года откажется от реформ.

Цель данного исследования – рассмотрение процесса влияния европейской политики императора Александра I на внутреннюю политику после завершения наполеоновских войн. Зачастую именно внешняя политика играла решающую роль при реализации программы реформ или наоборот, отказе от нее. Принимаемые из-за этого решения могли играть огромную роль для будущего государства уже после смерти императора. Задачи исследования:

- 1) изучение влияния европейской политики императора Александра I на его внутренний курс на заключительном этапе его правления;
- 2) доказать на конкретных примерах, имела ли она решающее значение при реализации реформ на заключительном этапе его правления;

3) выявление причин, которые заставили императора Александра I отказаться от реформ.

При работе над данным исследованием нами были привлечены источники, которые можно подразделить на две группы: нормативно-правовые документы и нарративные источники.

К нормативно-правовым документам мы относим следующие важные источники: указы, акты, постановления, отчеты, доклады, мирные и союзнические договоры Российской империи с различными государствами. Одни из них представлены в Полном собрании законов Российской империи [12], в котором находятся различные нормативно-правовые документы, принятые в годы правления императора Александра I. Другим важным источником является Архив Государственного Совета Российской империи [3]. Государственный совет появился еще в самом начале правления императора Александра I и на нем обсуждались проблемы внутренней и внешней политики. Мирные договоры и союзнические обязательства, которая заключила Россия в первой четверти XIX века, находятся в таком важном сборнике, как «Внешняя политика России XIX и начала XX века» [4]. Также, стоит выделить бумаги Комитета 06 декабря 1826 г., который был создан уже после смерти императора Александра по приказу императора Николая I. Он должен был рассмотреть проекты преобразования государственного управления Российской империи. Были обнаружены различные проекты преобразований, записки государственных деятелей, которые писали о тех или иных нарушениях в системе управления и о способах их устранения. Например, были найдены проекты реформ Сперанского, записки Кочубея. Эти источники были опубликованы РИО [17] в конце XIX века. Поднятую нами проблему историки раньше не рассматривали, то есть, специальной литературы по данной теме не существует, хотя период правления Александра I рассматривался многими учеными.

В 1820 году произошел ряд событий, заставивших императора Александра I отказаться от попыток реформирования Российской империи. Причиной отказа были европейские революции. Они расшатывали порядок, который был установлен после завершения наполеоновских войн. Как считал император, бунтарские настроения проникают и в Россию. В этом он был убежден из-за истории, произошедшей в столице Российской империи, в том же, 1820 году.

В это время в Европе стали расти революционные настроения. Так, в 1819 году был убит известный консервативный деятель Коцебу. Через некоторое время бонапартистом Лувелем был убит герцог Беррийский (племянник французского короля Людовика XVIII), а в Неаполе началась революция. Австрийский канцлер Меттерних был обеспокоен происходящими событиями. Было принято решение созвать конгресс европейских монархов в чешском городе Троппау. Александр должен был вместе с другими европейскими монархами обсудить эти события и принять необходимые решения, которые бы позволили подавить революционные настроения в Европе.

Перед конгрессом в Троппау Александр находился в Варшаве. Он на открытии Второго польского сейма произнес речь. Эта речь, конечно же, отличалась от той, которую он произнес в 1818 году. В ней он уже не упоминает о возможном введении Конституции на территории Российской империи, но говорит о том, что на нем лежит ответственность, которая обязывает его «для предупреждения самого возрождения зла и необходимости прибегать к средствам насильственным, истреблять семена расстройств, как скоро они окажутся» [2]. Но в конце своего выступления он несколько смягчился. При этом депутаты Сейма отвергли ряд проектов, которые исходили от исполнительных органов власти. Александру вряд ли могло понравиться такое поведение Сейма. В Троппау он прибывает в не самом лучшем расположении духа. Александр к этому времени стал испытывать разочарование в своих идеях. Ему было трудно исполнять роль конституционного монарха в Царстве Польском.

28 октября 1820 года Александру I сообщили об одном очень инциденте, который произошел в Санкт-Петербурге. Речь идет о «Семеновской истории». Эта история очень сильно повлияла на Александра. Лейб-гвардии Семеновский полк был любимым полком императора Александра I. До того, как он стал императором, Александр был шефом этого полка. Весной 1820 года командиром этого полка стал Ф.Е. Шварц. Полковник Шварц был ставленником всеильного Аракчеева и подобно своему покровителю был человеком очень жестким. Его ненавидели офицеры и солдаты полка.

16 октября рота Его Величества вышла на «перекличку», отказалась расходиться и требовала к себе ротного командира. После отказа расходиться солдаты Павловского полка сумели ее окружить и отправить в Петропавловскую крепость. Но за роту заступился весь Семеновский полк. Полк также отказался подчиняться вышестоящему начальству и требовал освобождения своих товарищей или отправить весь полк под арест в Петропавловскую крепость. Вышестоящее начальство выбрало последний вариант, и весь полк был посажен в Петропавловскую крепость без оружия. К императору был отправлен адъютант командира гвардейского корпуса П.Я. Чаадаев. Император был потрясен этой новостью. Он считал, что радикальные настроения, царящие в Европе, проникают и в Россию. Александр не верит, что только один полковник Шварц является единственным виновником всей этой ситуации. Его мысль разделяет цесаревич Константин Павлович и Алексей Аракчеев. В письме Аракчееву Александр приписывает произошедшие событие «тайным обществам, которые по доказательствам, что мы имеем, все в сообщениях между собой, и коим весьма неприятно наше соединение и работа в Троппау» [11]. В итоге, 02 ноября 1820 года Александр подписал Высочайший приказ Российской Армии «О распределении Лейб-гвардии Семеновского полка по разным полкам армии за буйство и ослушание противу Начальства, и о сформирования, вместо этого, нового полка» [13, с. 490–491]. Согласно этому приказу, Семеновский полк был

расформирован, а офицеры переведены в различные полки российской императорской армии. Шварц и рота Его Величества были преданы военному суду.

Но сам император не спешил возвращаться обратно в столицу. Он решил продолжить свое участие в Троппауском конгрессе. Уполномоченные России, Австрии и Пруссии подписали протокол, в котором говорилось, что для восстановления порядка союзные державы используют «принудительную силу, если употребление этой силы оказалось неизбежным» [6]. Эти державы решили пригласить неаполитанского короля в город Лайбах, в котором начался новый конгресс Священного союза. Историк Н. Шильдер в своем фундаментальном труде, пишет, что именно в это время «император Александр утратил всякую свободу действий и самостоятельность взглядов» [18, с. 190]. Он считает, что император теперь перешел под контроль Меттерниха. Скорее всего, он ошибался. Меттерних обладал влиянием на Александра, но император не был его марионеткой.

Лайбахский конгресс начал свою работу в январе 1821 года. Тем временем австрийская армия подавила революцию в Неаполе, но теперь она вспыхнула в Пьемонте. Александр собирался предоставить русские войска для подавлений революций в Италии. Также, пришла новость и о начале восстания в Греции. Меттерних сумел убедить царя отказаться от поддержки восставших греков, так как они бунтуют против законного правителя – османского султана. На этом конгрессе была принята декларация [7], по которой в случае начала революции в какой-либо европейской стране, члены Священного Союза имели право вторгнуться на территорию этой страны и таким образом подавить в ней волнения при помощи собственных вооруженных сил.

Конгресс завершил свою работу и Александр I возвращался в Россию уже другим человеком. Как отмечал И.Д. Якушкин в своих записках, «после семеновской истории император Александр поступил совершенно под влияние Меттерниха, перешел от народов, прежде усердно им защищаемых, на сторону властей, и во всех случаях почитал теперь своею обязанностью защищать священные права царей. Тут прекратилось в нем раздвоение; и в Европе, и в России политические его воззрения были одни и те же» [19, с. 77–78].

В 1822 году европейские лидеры снова собрались на общеевропейском конгрессе в итальянском городе Верона. Они обсуждали революционные события в Испании, «греческий вопрос» и ситуацию, которая происходила в Латинской Америке. Европейские державы подписали секретный протокол [5, с. 591], который давал право Франции вторгнуться в Испанию и подавить в ней революцию. Французские войска подавили эту революцию. «Греческий вопрос» не был решен. Именно на этом конгрессе впервые был использован термин «Восточный вопрос». Российское общественное мнение горело желанием помочь восставшим грекам, но Александр I ко-

лебался. Он не хотел разрушать созданный им Священный союз, хотя прекрасно понимал, что ослабление Османской империи выгодно России. Но царь считал, что на данный момент лучше всего не вмешиваться в греческие дела.

Именно в это время Александр I стал переходить к охранительной политике. О реформах и, тем более, о реализации на практике Государственной уставной грамоты Новосильцева можно было забыть раз и навсегда. Именно европейские революции и «Семеновская история» заставили императора кардинально менять свою внутреннюю политику. С этого момента он стал испытывать душевный кризис, который закончится лишь с его смертью в 1825 году. Император в это время издал ряд законов, по которым можно заметить, что он отказался от преобразований и перешел на путь реакции.

Приведем несколько примеров в подтверждение этого тезиса. 03 марта 1822 года Александр I издал закон «Об отсылке крепостных людей за дурные поступки в Сибирь на поселение» [14, с. 99–101]. Этот законодательный акт укрепил власть дворянина над своими крепостными. Александр очень долгое время мечтал ликвидировать крепостное право. Его приближенные по его поручению создавали проекты отмены крепостного права. Но мы видим, что, в конце концов, он избрал другой путь. На наш взгляд, прав современный историк С. Мироненко, который в своей работе пишет о том, что этот «указ от 03 марта 1822 года недооценен по достоинству» [9, с. 230]. Считается, что высшей точки крепостное право достигло при Екатерине II. Но Александр I, как видим, ее даже превзошел в этом вопросе. Этот закон был явным сигналом к тому, что император откладывает, например, отмену крепостного права, но без освобождения крестьян от этого тягла невозможно было построить современное передовое государство. Этот закон также влиял и на проект Новосильцева. Без освобождения крепостных невозможно построить было гражданское общество.

01 августа 1822 года вышел рескрипт императора «Об уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ» [14, с. 579–580], который запрещал деятельность масонских и тайных обществ в России. Император прекрасно знал, что в России, как и в европейских странах, появились тайные общества (в 1821 поступил донос от члена Союза Благоденствия М.К. Грибовского). В это время тайные общества стали осознавать, что власть отказалась от политики преобразований, поэтому, эти общества (Северное и Южное общество) избрали другой путь. Они считали, что Александр I является помехой, от которой

Литература:

1. Александр I; Имп.; 1777–1825. Речь, произнесенная его императорским величеством при открытии сейма Царства Польского в 15/27 день марта 1818 года в Варшаве. [Варшава], 1818. 7, с.; 4° (22 с).

нужно избавиться. Тайные общества создают свои политические программы. В них они предлагают свое решение ряда важнейших вопросов (отмены крепостного права, ликвидации самодержавия, административно-территориального устройства страны и др.).

В области управления также происходят значительные перемены. Алексей Аракчеев достигает пика своего влияния. Александр I в конце своего правления доверит этому человеку большую власть. Аракчеев продолжит создавать военные поселения, подавлять любой протест, будет назначать верных ему людей на важные государственные посты. Как писал дореволюционный историк Н.М. Романов: «С 1822 года по всем делам государь начал слушать только одного Аракчеева, принимать исключительно его доклады по всем отраслям управления» [16, с. 269].

Как мы полагаем, внешняя политика императора Александра I на заключительном этапе его правления очень сильно влияла на его внутриполитический курс. Видя, что в Европе растут революционные настроения, и они могут разрушить существующий порядок, Александр переходит к охранительной политике. В конце своей жизни он разочаровался в своих старых идеях. Как писал Меттерних в своих воспоминаниях: «Император Александр умер от утомления жизнью. Обманутый во всех своих расчетах, поставленный в необходимость наносить решительные удары известному классу своих подданных, введенных в заблуждение и сбитых с пути теми же самыми людьми и принципами, которые сам он долго поддерживал, – все это сокрушало его душу, и события, омрачившие вступление на престол его преемника, являются доказательством тех горестей, которые отравляли последние минуты Александра» [8, с. 179].

Александр I пытался после завершения войны с Наполеоном изменить Российскую империю посредством крупномасштабных реформ. Был создан проект общеимперской Конституции. Но события, которые произошли в переломном 1820 году, заставили Александра перейти к охранительной политике. Причиной перелома стали европейские революции и рост национально-освободительного движения в Европе. Александр I укреплял созданный им Священный Союз и во имя его целостности отказывался от реформ и даже своих геополитических интересов на Балканах. Курс, выбранный им, приведет к тому, что в России будут только укрепляться тайные общества, которые попытаются воспользоваться своим шансом в декабре 1825 года.

Literature:

1. Alexander I; Imp.; 1777–1825. Speech delivered by His Imperial Majesty at the opening of the Sejm of the Kingdom of Poland on March 15/27, 1818 in Warsaw. [Warsaw], [1818]. 7, [1] C.; 4° (22 p).

2. Александр I (Имп.). Речь, произнесенная его величеством императором всероссийским, царем польским при открытии сейма Царства Польского в 1/13 день сентября 1820 года в Варшаве. [Варшава, 1820]. URL : <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/57703-aleksandr-i-imp-rech-proiznesennaya-ego-velichestvom-imperatorom-vserossiyskim-tsarem-polskim-pri-otkrytii-seyma-tsarstva-polskogo-v-1-13-den-sentyabrya-1820-goda-v-varshave-varshava-1820> (дата обращения 03 апреля 2020).
3. Архив Государственного Совета Российской империи. URL : <https://runivers.ru/lib/book7656/> (дата обращения 03 апреля 2020).
4. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Рос. м-ва иностр. дел / д-р экон. наук А.А. Громько (пред.) [и др.]; М-во иностр. дел СССР, Комис. по изд. дипломат. документов при МИД СССР. М. : Госполитиздат, 1960. 27 с.
5. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Рос. м-ва иностр. дел / д-р экон. наук А.А. Громько (пред.) [и др.]; М-во иностр. дел СССР, Комис. по изд. дипломат. документов при МИД СССР. М. : Госполитиздат, 1960. 27 с.
6. Мартенс Фридрих-Фромгольд. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: Т. IV. Ч. 1. Трактаты с Австрией. Декларация Дворов Российского, Австрийского и Прусского, подписанная в Троппау. URL : <https://runivers.ru/bookreader/book10083/#page/301/mode/1up> (дата обращения 15 марта 2020).
7. *Мартенс Фридрих-Фромгольд*. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: Т. IV. Ч. 1. Трактаты с Австрией. Декларация Дворов Российского, Австрийского и Прусского, подписанная в Лайбахе (П.С.З. № 28619). URL : <https://runivers.ru/bookreader/book10083/#page/306/mode/1up> (дата обращения 15 февраля 2020).
8. *Меттерних К.В. фон*. Император Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 году / фон. К.В. Меттерних // Исторический вестник, 1880. № 1. С. 168–180. Сетевая версия. М. : Вознесенский, 2006.
9. *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М. : Наука, 1989. 238 с.
10. Остафьевский. Архив князей Вяземских. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым (1812–1819). СПб. : Типография М.М. Стасюлевича. 1899. Т. 2. 375 с.
11. Письма императора Александра Павловича графу Аракчееву. URL : <http://do1917.info/sites/default/files/user11/pdf/1870rysstarina1%2831%29.pdf> (дата обращения 03 апреля 2020).
2. Alexander I (Imp.). The speech delivered by His Majesty the Emperor of All Russia, the Tsar of Poland at the opening of the Sejm of the Kingdom of Poland on the 1st / 13th day of September 1820 in Warsaw. [Warsaw, 1820]. URL : <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/57703-aleksandr-i-imp-rech-proiznesennaya-ego-velichestvom-imperatorom-vserossiyskim-tsarem-polskim-pri-otkrytii-seyma-tsarstva-polskogo-v-1-13-den-sentyabrya-1820-goda-v-varshave-varshava-1820> (date of application April 03, 2020).
3. Archive of the State Council of the Russian Empire. URL : <https://runivers.ru/lib/book7656/> (date of application April 03, 2020).
4. Russian Foreign Policy of the XIX and Early XX centuries. Documents of the Russian Foreign Ministry. del / M-vo inostr. Affairs of the USSR, Comis. by the Diplomat Publishing house. documents under the Ministry of Foreign Affairs of the USSR; Doctor of Economics A. A. Gromyko (pred.), etc. M. : Gospolitizdat, 1960. 27 p.
5. The foreign policy of Russia of the XIX and the beginning of the XX century. Documents of the Russian Foreign Ministry. del / Doctor of Economics A.A. Gromyko (pred.), [et. al.] M-vo inostr. Affairs of the USSR, Comis. by the Diplomat Publishing house. documents under the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. M. : Gospolitizdat, 1960. 27 p.
6. Martens Friedrich-Fromgold. Collection of Treatises and Conventions concluded by Russia with foreign powers: Volume IV. Part 1. Treatises with Austria. Declaration of the Courts of Russia, Austria, and Prussia, signed at Troppau. URL : <https://runivers.ru/bookreader/book10083/#page/301/mode/1up> (date of application March 15, 2020).
7. *Martens Friedrich-Fromgold*. Collection of Treatises and Conventions concluded by Russia with foreign powers: Vol. IV. Part 1. Treatises with Austria. Declaration of the Courts of Russia, Austria, and Prussia, signed at Laibach (P. S. Z. № 28619). URL : <https://runivers.ru/bookreader/book10083/#page/306/mode/1up> (date of application February 15, 2020).
8. *Metternich K.V. von*. Emperor Alexander I. Portrait painted by Metternich in 1829 / von K.V. Metternich // Historical Bulletin, 1880. № 1. P. 168–180. Network version. M. : Voznesensky, 2006.
9. *Mironenko S.V.* Autocracy and reforms. Political struggle in Russia at the beginning of the XIX century. M. : Nauka, 1989. 238 p.
10. Ostafyevsky Archive of the princes of Vyazemsky. Correspondence of Prince P.A. Vyazemsky with A.I. Turgenev (1812–1819). SPb. : printing house of M.M. Stasyulevich. 1899. Vol. 2. 375 c.
11. Letters of the Emperor Alexander Pavlovich to Count Arakcheev. URL : <http://do1917.info/sites/default/files/user11/pdf/1870rysstarina1%2831%29.pdf> (date of application April 03, 2020).

12. Полное собрание законов Российской империи. URL : http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения 17 февраля 2020).

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 37 (1820–1821). 981 с. URL : http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=173®im=3 (дата обращения 17 февраля 2020).

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 38 (1822–1823). 352 с. URL : http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=177®im=31 (дата обращения 17 февраля 2020).

15. РГАДА. Ф. 12 (Разряд 12). Оп, 1. Д. 269. 90 л.

16. *Романов Н.М.* Император Александр I. Опыт исторического исследования : в 2 т. СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. Т. 1. Указ, сочинения. Т. 1. 745 с.

17. Сборник Русского исторического общества. Том девяностый. URL : <https://runivers.ru/lib/book9408/483976/> (дата обращения 20 апреля 2020).

18. *Шильдер Н.* Император Александр I, его жизнь и царствование : в 4 т. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1897–1898 гг. Т. 4. 651 с.

19. *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / Ред. и коммент. С.Я. Штрайха. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 740 с.

12. Complete collection of laws of the Russian Empire. URL : http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (date of application February 17, 2020).

13. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection. Vol. 37 (1820–1821). 981 p. URL : http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=173®im=3) (date of application February 17, 2020).

14. Complete collection of laws of the Russian Empire. The First Collection. Vol. 38 (1822–1823). 352 p. URL : http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=177®im=31 (date of application February 17, 2020).

15. RGADA. F. 12 (Category 12). Op, 1. D. 269. 90 l.

16. *Romanov N.M.* The Emperor Alexander I. The experience of historical research : in 2 vol. SPb. : Expedition of preparation of state papers, 1912. Volume 1. Decree, essays. Vol. 1. 745 p.

17. Collection of the Russian Historical Society. Volume ninety. URL : <https://runivers.ru/lib/book9408/483976/> (date of application April 20, 2020).

18. *Schilder N.* Emperor Alexander I, his life and reign : in 4 vol. SPb. : Type. A. S. Suvorina, 1897–1898. Vol. 4. 651 p.

19. *Yakushkin I.D.* Zapiski, articles, letters of the Decembrist I.D. Yakushkin / Ed. and comment. S.Ya. Streich. M. : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. 740 p.

Киселёва Наталья Витальевна
 доктор исторических наук,
 профессор,
 профессор кафедры теории
 и истории государства и права,
 Российская таможенная академия
 (Ростовский филиал)
 nvkiseleva@rambler.ru

Natalia V. Kiseleva
 Doctor of Historical Sciences,
 Professor,
 Professor of the Department of Theory
 and the History of State and Law,
 Russian Customs Academy
 (Rostov branch)
 nvkiseleva@rambler.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ И.П. ЗАДЕРЕЙЧУКА «НЕМЦЫ КРЫМА – ЖИЗНЬ ВО БЛАГО»

REVIEW OF THE MONOGRAPH I.P. ZADEREYCHUK «THE GERMANS OF CRIMEA – LIFE FOR GOOD»

Аннотация. Статья содержит, проведенный рецензентом, анализ структуры монографии И.П. Задерейчука и оценку ее содержательных аспектов, где отмечены как ее достоинства, так и некоторые ее недочеты как, например, отсутствие характеристики и оценки публикаций ряда авторов, на которые им делются ссылки, позволило бы более ясно представить собственный вклад И.П. Задерейчука в изучение проблемы. В целом, рецензент дает положительную оценку монографии, отмечая ее актуальность и научную значимость как работы, которая освещает малоизвестные страницы истории российской государственности.

Ключевые слова: этнические группы, историография, этнические немцы, немецкая слобода, колонии-поселения иностранцев.

Annotation. The article contains, conducted by the reviewer, an analysis of the structure of the monograph by I.P. Zadereichuk and an assessment of its pithy aspects, which noted both its merits and some of its shortcomings, such as the lack of character and evaluation of the publications of a number of authors to which they are referred to, would allow to more clearly represent the own contribution of I.P. Zadereichuk to the study of the problem. In general, the reviewer gives a positive assessment of the monograph, noting its relevance and scientific significance as a work that illuminates little-known pages of the history of Russian statehood.

Keywords: ethnic groups, historiography, ethnic Germans, German suburb, colony-settlement of foreigners.

Одна из существенных особенностей России состоит в многонациональном характере её государственности, которая изначально складывалась на полиэтнической основе, интегрируя пассионарные черты различных этнических групп. На протяжении веков формировалось уникальное «единство в многообразии», характерное для России.

И.П. Задерейчук темой своего исследования избрал историю немецкой этнической группы, проживавшей в Крыму с начала 19 века [1]. Относительно немногочисленная историография данной темы представлена несколькими публикациями, на сведения из которых автор ссылается (публикации Н. Дианова, И.М. Кулинича, О. Курса, Ю.Н. Лаптева, К.С. Ляха и др.). К сожалению, в монографии не были даны характеристики и оценки этих публикаций, а это позволило бы более ясно представить собственный вклад И.П. Задерейчука в изучение проблемы.

Как известно, своеобразные колонии-поселения иностранцев возникали в России ещё в 17 веке, примером чего была «немецкая слобода» в Москве. Активно привлекал иностранцев на службу Пётр I. В 18 веке при императрице Елизавете Петровне были сформулированы предложения о создании поселений иностранцев в

малонаселенных территориях России для их хозяйственного освоения. Екатерина II своим Манифестом от 04 декабря 1762 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» прямо заявляла о своём благосклонном отношении к переселению иностранцев в Россию, её решением заселению подлежали, прежде всего, мало обжитые земли Поволжья, Юга России [2].

В развитие Манифеста 1762 г., за которым закрепилось определение «вызывной», были приняты Манифест «О даруемых иностранным переселенцам авансажах и привилегиях» (от 22 июля 1763 г.) и Указ «Об учреждении Канцелярии опекунства иностранных переселенцев». Таким образом, создавалась система гарантий и привилегий для иностранных переселенцев и государственной защиты их интересов. Переселенцы освобождались от любых налогов на длительные сроки:

– в городах – до 5 лет, в сельской местности – до 30 лет; иностранные предприниматели-производственники могли свободно вести внутригосударственную торговлю своими товарами и беспошлинно вывозить товары за границу;

– приехавшим иностранцам предоставлялась беспроцентная ссуда на 10 лет для возмещения расходов на переезд и приобретения на новом месте жилья, обзаведения хозяйством;

– была провозглашена свобода вероисповедания переселенцев и разрешено им строить свои церковные сооружения;

– подтверждались право колонистов на создание собственных органов местного самоуправления и право свободного беспрепятственного выезда из России.

К сведению переселенцев был опубликован реестр свободных и доступных для заселения земель. За первые три года количество переселенцев составило примерно 23 тысячи человек; особенно быстро росли колонии в Поволжье, в 1767 г. перепись населения показала, что здесь существовало 105 колоний, где проживало 6,5 тысяч немецких семей [3].

Рассматривая в первой главе факторы, определившие формирование немецких поселений в Крыму, автор обращает внимание как на ситуацию в германских землях, которая способствовала заинтересованности населения в эмиграции, так и показывает значение политики Российского государства, стимулирующей переселение. В частности, на фоне обзора законодательных актов 18 века, создавших фундамент российской политики в отношении мигрантов, автор обращено внимание на Манифест от 13 февраля 1798 г., в котором вновь подтверждались гарантии переселенцам-иностранцам, в том числе, при их расселении в Крыму, «для развития торговли, ... обустройства городов и земель», упоминается о Грамоте Павла I от 06 сентября 1800 г. «О гарантиях привилегий представителям конфессии меннонитов при их переселении на южные земли России». Достаточно подробно рассматривается также Манифест от 20 февраля 1804 г. «О правилах для принятия и поселения иностранных колонистов», которым подтверждалось предоставление переселенцам льгот в налогообложении, субсидий, денег на питание в период переезда. В монографии подчёркивается, что именно эти акты «стали основными законами, на основании которых российские немцы осуществляли колонизацию Новороссийского края и Крыма» [1, с. 17].

Автор справедливо отмечает, что переломным моментом в переселенческой политике Российской империи стал 1810 г., когда распоряжением правительства было прекращено предоставление кредитов и государственной помощи переселенцам, а также, он выделяет значение Положения Комитета министров от 05 августа 1819 г. «О предотвращении дальнейшему переселению

Литература:

1. *Задерейчук И.П.* Немцы Крыма – жизнь во благо». Симферополь : Медиационный центр имени И. Гаспринского, 2019. 464 с.

в Россию иностранцев» и Указа «О запрете российским миссиям давать паспорта иностранцам, которые переселялись в Россию и Царство Польское». К сожалению, в рассматриваемой монографии нет попытки объяснить причины такого поворота в переселенческой политике Российского государства.

Переходя к рассмотрению основного содержания монографии, хочется отметить высокую степень детализации при характеристике автором отдельных сторон жизни немецкой диаспоры Крыма. Монография основана, прежде всего, на архивных материалах, которые выявлены И.П. Задерейчуком при работе в пяти государственных архивах, а также, в многочисленных библиотеках. Систематизированные автором материалы позволяют убедительно характеризовать все те аспекты темы, которые заявлены автором: процесс миграции немецких колонистов в Крым, административно-территориальное устройство в местах компактного проживания немцев, их религиозную жизнь, систему образования и просвещения, вклад в развитие аграрно-политическую и благотворительную деятельность. Текст монографии иллюстрируется картографическим материалом, фотографиями и рисунками, сопровождается схемами и таблицами, которые систематизируют количественные характеристики рассматриваемых процессов.

Структура монографии, в целом, логична, текст корректен, обобщения и выводы достаточно аргументированы приводимыми в монографии фактическими сведениями. Вызвал вопрос лишь финальный тезис о возрождении немецкой этнической группы [1, с. 418]: как автору видится возможность и необходимость, а также формы такого возрождения? Впрочем, этот вопрос выходит за рамки содержания данной монографии.

Работу И.П. Задерейчука отличают доброжелательный и бережный интерес, внимательность к подробностям повседневности.

Монография адресована не только историкам, профессионально обращающимся к данной проблематике, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей Крыма, историей отдельных этнических групп в составе Российского государства. Именно об этом свидетельствует стремление автора в названиях глав отразить эмоционально-насыщенные характеристики рассматриваемых сторон жизни немецкого населения Крыма.

Ознакомление с данной монографией убеждает, что автор вполне реализовал те цели и задачи, которые были им поставлены. Монография, бесспорно, заслуживает общественного внимания и высокой профессиональной оценки.

Literature:

1. *Zadereychuk I.P.* The Germans of the Crimean life for good. Simferopol : Gasprinsky media Center, 2019. 464 p.

2. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. 1830. Т. XVI. С. 313–316.

3. URL : <https://rusidea.org/25121703> (дата обращения 10.08.2020).

2. Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. 1830. Vol. XVI. P. 313–316.

3. URL : <https://rusidea.org/25121703> (date of application 10.08.2020).

Рамазанов Рашид Омариевич

кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Институт истории,
археологии и этнографии
Дагестанского
Научного центра РАН
rashram@yandex.ru

Rashid O. Ramazanov

Candidate of Political Sciences,
Researcher,
Institute of History,
Archeology and Ethnography
Dagestan Scientific Center
of the Russian Academy of sciences
rashram@yandex.ru

МУСУЛЬМАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)

MUSLIM EDUCATION IN THE NORTH CAUCASUS REGION IN THE HISTORY OF RUSSIA: STATUS AND TRENDING (IN THE EXAMPLE OF DAGESTAN)

Аннотация. Трансформация российского общества обусловила изменение базовых основ социума, начиная с экономической базы, заканчивая духовной. В этой ситуации мощно проявили себя процессы религиозного возрождения, который в научной литературе озаменовали как религиозный ренессанс. Особенно заметно и ярко религиозные процессы протекали в мусульманских регионах российского социума, причем можно было наблюдать очень сложные и противоречивые процессы внутри мусульманского духовенства, причем для этого имелись серьезные объективные и субъективные причины. Закономерным последствием мусульманского возрождения стало появление исламских образовательных учреждений различного уровня – примечательные школы, медресы и исламские институты и университеты. Следует отметить, что в обществе наблюдался огромный интерес к мусульманскому образованию, ибо после десятилетий доминирования атеистической идеологии, появление возможности открытой демонстрации своего отношения к вероисповеданию массовым сознанием было встречено позитивно. Однако, имелись и негативные тенденции как появление салафитской идеологии и ваххабизма, которые обусловили раскол внутри мусульманского сообщества. В статье рассматривается начальный сегмент мусульманского образования в северо-кавказских республиках. Показано, что в современный период обучение в мактабах имеет широкое распространение, причем основная масса обучаемых позитивно рассматривает возрождение начального сегмента мусульманского образования.

Ключевые слова: медресе, мактабы, ислам, муталимы, религиозное образование, мусульманское образование, Северо-Кавказский регион.

Annotation. The change of fundamental basis of society was caused by transformation of Russian society beginning from economic basis to spiritual sphere. In this situation the processes of religious revival were revealed and became the basis for religious renaissance. Religious processes proceeded most noticeably and brightly in Muslim regions of Russian society. Moreover there were difficult and conflicting processes in Muslim clergy and there were serious objective and subjective reasons. As a result of these processes Islamic educational institutes have appeared for example mactabs, madrasas, Islamic institutes and universities. It is worth noticing that there was great interest to Muslim education in the society. Demonstration of their attitude toward religion after decades of domination of atheist ideology was met positively by the society. Negative tendencies also appeared for example the society was divided by appearance of Salafist ideology and vahabism. Elementary level of Muslim education in North-Caucasus region was researched in the article. It is shown that in the contemporary period the education in mactabs has widely spread and most pupils consider revival of elementary Muslim education as the positive trend of time.

Keywords: madrasa, mactab, islam, mutalim, religious education, Muslim education, North-Caucasus region.

В период религиозного ренессанса, в данном контексте исламского, проблема формирования, точнее организации качественного исламского образования представляется особенно

значимой на фоне возросшей активности как мусульманского духовенства, так и стремления самих людей получить базовые знания об исламском вероучении. Иными словами, «демо-

кратизация общества конца XX в. привела не только к реализации принципов свободы слова, печати и собраний, но и сняла фактический запрет на свободу совести. Начался процесс стихийного возрождения религиозного сознания. 1990-е – начало 2000-х гг. стали периодом бурного развития исламских институтов. Неотъемлемой частью этого сложного и неоднозначного процесса явилось создание сети мектебов, средних и высших исламских учебных заведений, укрепление их учебно-материальной базы, комплектование педагогическими кадрами и многое другое» [1, с. 5]. Более того, подготовка кадров мусульманского духовенства, отвечающей запросам времени и способной удовлетворить духовные потребности верующих, в том числе современной молодежи, актуализировалась в связи с ростом преступлений экстремистской направленности, участием российских мусульман в рядах Исламского государства (ИГИЛ – запрещена в РФ), которое, по мнению специалистов, является международным террористическим объединением на Ближнем Востоке [12, с. 93].

Как известно, в советский период начался так называемое «размусульманивание» населения, исповедующего ислам, и конечно, данный процесс характеризовался разным уровнем интенсивности – если в Дагестане он протекал относительно слабо, то в других территориях Советского Союза, например, в Поволжье и на Урале можно было наблюдать его ускорение, что было обусловлено объективными факторами, в частности, большей их европеизированностью, уровнем социально-экономического развития и т.д. Иными словами, усиление роли религии в современном российском обществе, появление религиозного экстремизма и терроризма, вовлечение молодого поколения, причем, образованного слоя, в ряды террористов и другие факторы имели негативные последствия, в частности, дестабилизировали не только религиозную, но и национальную сферы. Следовательно, возникла необходимость с целью профилактики отрицательных тенденций в общественном сознании и поведении людей регулировать проблему мусульманского образования практически на всех уровнях – мактабы, медресе, университеты/институты. Можно согласиться с мнением, что «сегодня перед российским УМО стоит важнейшая задача – приведение в норму учебных программ исламских учебных заведений. С точки зрения государства, нужны специалисты высокого профиля, которые, будучи религиозно грамотными людьми, не превращались бы в специалистов по обрядам – мулл или в ограниченных в своих представлениях фанатиков. Нужны специалисты, в равной мере образованные как в области религии, так и в светских дисциплинах» [1, с. 8].

Возвращение религии в социальную жизнь постсоветского российского общества свидетельствует о наступлении эпохи постсекуляризма, которая западными исследователями характеризуется следующим образом: «Если секуляризация разоблачает священное и демонстрирует его реальный профанный статус, то наступление эры постсекулярности должно быть связано с

хотя бы частичным восстановлением священного, обнаружением его реальности» [9, с. 17]. По мнению Л. Алмазовой, «именно эта тенденция определяет вновь появление и активное функционирование религиозных институтов в современном российском социальном пространстве, а вслед за ними, и отражение этого процесса в системе образования, причем на самых разных уровнях» [4].

В постперестроечный период наблюдался религиозный ренессанс, соответственно, проблема вероисповеданий и их роль в повседневности, специфика религиозного поведения и ряд не менее важных вопросов становятся предметом изучения религиоведов. Появление исламских учебных заведений произошло на фоне интенсивного ренессанса мусульманского образования в перестроечный и постсоветский период. Провозглашение принципов гласности и демократии позволило религии усилить свои позиции, тем более, что благодатная почва для этого имела. Кроме того, очень сложные процессы происходили и внутри самого Духовного управления, в частности, обозначилось стремление подразделить его как по территориальному принципу, в последующем, в Дагестане, и по национальному признаку. Если обратиться к современным исследователям, то заслуживает внимания позиция А.Р. Наврузова, утверждающего, что «за пятнадцать лет, прошедшие со времени воссоздания системы исламского образования в стране, с достаточной определенностью выявились как общие тенденции, определяющие его существование сегодня, так серьезные недостатки и упущения религиозной школы и, наконец, возможные перспективы ее развития и адаптации к нуждам меняющегося постсоветского общества» [7].

Первые шаги были предприняты, когда состоявшейся в 1989 г. в Буйнакске, исламской конференции был отстранен от своей должности муфтий Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМ СК) Махмуд Геккиев, тем самым, расколов «ДУМ СК по административно-территориальному признаку на 7 республиканских управлений» [2, с. 49]. Образованные на месте старого Духовного управления институты, в своей работе большой упор сделали, во-первых, на образовании исламских учебных заведений и строительстве; во-вторых, на открытии духовных зданий (мечетей), нехватка которых остро ощущалась после долгого доминирования атеистической идеологии в Советском государстве. Увеличение количества мечетей закономерно способствовало росту числа учреждений начального сегмента исламского образования, каковыми являются мектебы, действовавшие как и ранее при мечетях.

Если изложить состояние религии в одном из северо-кавказских республик, то, до начала 1990-х гг. в Кабардино-Балкарской республике не было исламских учебных заведений, не было и медресе. В начале 1990-х гг. практически в каждом крупном населенном пункте республики стали строиться мечети, при которых стали работать мактабы. Хотя они и не дают системати-

ческого начального исламского образования, но в них есть возможность обучаться чтению Корана, редко – писать по-арабски, а также обучаться мусульманской этике [3, с. 333].

Перестроечный период характеризуется сплошным подчинением всех социальных сфер либерально-демократическим ценностям. Любое неприятие или пассивное игнорирование либеральных идей расценивалось как ущемление прав человека, торможение процесса демократизации, более того, как противостояние «прогрессивным идеям человечества». Существенные преобразования происходили во всем обществе, в целом, и они были болезненны всюду, но протест встречало декларирование реформирования образовательной сферы, ибо «именно сфере образования и религии... сегодня уделяют ключевое внимание, для них это сфера войны, это сфера противоборства» [11].

В Чеченской Республике действуют 2 высших учебных заведения: Российский исламский университет имени Кунта-Хаджи Кишиева и Курчалойский исламский институт имени Ахмада Кадырова, который имеет 12 филиалов в различных населенных пунктах республики. На территории республики действуют 16 медресе. В Ингушетии действуют три религиозно-образовательных учреждения, два медресе и Исламский институт. С 1999 г. в школах республики преподается курс «Основы религии» для учеников 5–10 классов, который включает в себя историю религии, морально-нравственное воспитание. Курс «Основы религии» преподается на ингушском языке. В Карачаево-Черкесской республике с 1993 г. функционирует Исламский институт (в г. Черкесске), действует система мектебов и медресе. В Республике Северная Осетия-Алания при некоторых мечетях действуют медресе, и есть мектебы в ряде сел [3, с. 332].

В 1990-х гг. в Дагестане появилось противоположное светскому религиозное образование, что выразилось в возникновении существовавших еще в средневековом Дагестане форм исламского образования:

- а) начальные (мактабы);
- б) средние (мадраса/медресе);
- в) исламские вузы (институты, университеты, академии).

Система негосударственного исламского образования, созданная в современном Дагестане, по мнению одних исследователей, включает 3 ступени, по мнению других от четырех до пяти ступеней:

- 1) краткосрочные начальные курсы по изучению основ веры и арабского языка;
- 2) в примечетских или начальных школах (мактабах) практикуются в чтении Корана. Обучение в них носит непостоянный, сезонный характер, состав учеников часто меняется. Мактабы стихийно возникают и также стихийно прекращают

свою деятельность, поэтому плохо поддаются учету. Основная цель таких школ – обучение намазу (молитве) и чтению арабского текста Корана. Программа мактабов включает основы арабской грамматики (сарф), таджвид (правила чтения Корана), основ религии (усулад-дин);

3) средние ИУЗ (медресе), в которых преподают в большинстве случаев имамы и будуну мечетей. В отличие от начальных школ, здесь преподают основы исламских знаний, большинство преподавателей являются выпускниками этих же вузов или медресе либо самоучками;

4–5) Исламские вузы (институты, университеты). В разные годы количество вузов в Дагестане колебалось в пределах от 13 до 19, которые, в свою очередь, насчитывали несколько десятков филиалов почти по всей территории республики [6, с. 228].

К 2000 г. в Дагестане была создана сеть исламских учебных заведений и наиболее известными из них являлись Исламский университет им. Имама Шафии (г. Махачкала), который имел 15 филиалов по всему Дагестану. Исламский университет им. Мухаммада Арипа (Северо-Кавказский Исламский Университет, г. Махачкала) и 6 филиалов, а также, два Исламских университета им. Сайпуллы Кади (г. Буйнакск и с. Комсомольское); Исламский университет им. имама Ашари, Институт им. Имама Шамиля (Казбековский район), Кизлярский институт им. имама Наваи, а также, филиалы в 8 населенных пунктах с охватом. В с. Чиркей Буйнакского района был открыт институт «Нуру-л-Иршад» им. С. Апанди Чиркеевского, где 50 студентов учились на полном обеспечении института [8, с. 101].

Статистические данные показывают, что к началу 2001 г. в республике функционировало 438 конфессиональных учебных заведений, в том числе, 17 вузов, 44 филиала вузов, 132 медресе, 245 – примечетских медресе с охватом 13515 учащихся [10, с. 98]. В 2005 г. в республике действовало 16 исламских вузов (более 2600 студентов) с 43 филиалами (более 2400 студентов), 132 медресе (средних учебных заведений) (более 4400 учащихся), 278 мактабов (начальных школ) (около 4000 учащихся) с общим числом обучающихся около 14 000 чел. В 2006 г. исламских вузов стало больше на 3, число филиалов сократилось на 19, медресе – на 38, мактабов – на 184. Общее количество обучающихся в исламских учебных заведениях в 2006 г., по сравнению с 2005 г., сократилось на 7750 чел.

Источниками финансирования деятельности исламских учебных заведений, действующих в Республике Дагестан (далее – РД), являются собственные средства, получаемые от осуществления различных видов деятельности, не запрещенных нормами российского и республиканского законодательства, а также нормами шариата:

– материальные и денежные взносы учредителей;

– денежные, материальные средства, имущество и иные объекты собственности, переданные физическими и юридическими лицами, в том числе,

иностранцами (в форме дара, по завещанию, добровольного пожертвования, благотворительности, целевых взносов);

– денежные взносы учащихся местных исламских учебных заведений в виде частичной оплаты за обучение.

Традиционными и новыми источниками финансирования исламского образования являются неофициально возродившиеся вакфы, частные и общественные пожертвования (закят и садака), исламские фонды и банки. Большая часть материальных расходов обеспечивается за счет спонсоров, среди которых торговый дом «Киргу», крупные государственные предприятия, районные и местные администрации, частные лица. Часть помощи от государства, крупных предприятий и зарубежных спонсоров проходит через исламские благотворительные фонды им. С.-М. Абубакарова, Саида Ацаева, Хасана Хильми и др. [10]. Некоторые вузы фактически имеют вакуфную собственность в виде сельскохозяйственных угодий, поголовий скота, подсобных хозяйств.

Обучение в мусульманских школах было формально всеобщим, бесплатным и обязательным. Не было в них и социального отбора, учились вместе дети богатых и бедных. Считалось долгом родителей перед Богом и религией обучить детей основам религии, умению читать Коран и исполнять религиозные обряды. Об источниках существования мусульманских школ и мударрисов А.К. Селимханов сообщает: «Как и мектебы, медресе содержались на средства жителей, на пожертвования, вакуфные (церковные) земли и закяты (благотворительный налог)» [5, с. 74].

Таким образом, можно утверждать, что в Республике Дагестан за последние несколько лет образовалось наибольшее, по сравнению с другими субъектами Российской Федерации, количество исламских образовательных учреждений. Как уже ранее было отмечено, система исламского образования в республике представлена тремя уровнями: первой ступенью организованного мусульманского обучения являются примечетские начальные школы (мактабы). Мусульманские образовательные заведения второй ступени после начальной считаются медресе. Третья ступень – это исламские высшие учебные заведения (исламские университеты, институты). По состоянию на 01 августа 2012 г. установлено, что на территории республики действует 201 примечетская начальная школа (мактабы), в которых обучаются около 3000 учащихся. Обучение в мактабах носит сезонный характер, количественный состав учеников постоянно меняется и основная цель мактабов заключается обучению намазу и чтению Корана.

Таким образом, начало формированию сферы исламского образования в российском социуме было заложено в 90-х гг. XX в. Одновременное желание наладить мусульманское образование и обучение в регионах распространения ислама было сопряжено с большими трудностями, в частности, отсутствием необходимых квалифи-

цированных преподавателей, материально-технической базы и т.д. Поэтому обеспечение обучения, людей желающих получить мусульманское образование вынуждало привлекать для этой цели нужных специалистов из зарубежья, т.е., из арабских стран. Данное обстоятельство (приглашение иностранцев для преподавания в исламских учебных заведениях), как показало время, имело далеко идущие отрицательные последствия для Российского государства – распространение ваххабитской идеологии, появление центров исламской подготовки, которые обучали не только основам ислама, но и занимались военной подготовкой обучаемых т.д.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что в российской науке вопросы исламского образования широко разрабатываются и анализируются по причине имеющихся в данной сфере специфики, наряду со множеством недостатков: стратегические цели мусульманского образования заключаются в том, что «духовное образование должно строиться на принципах открытости обществу, верующим, государству, быть современным, национальным в хорошем смысле слова, динамичным и конкурентным» [13, с. 15].

Результаты исследования.

Авторское исследование начального сегмента мусульманского образования показывает, что в массовом сознании опрошенных учеников превалирует позитивная оценка примечетских школ (табл. № 1).

Эмпирические данные демонстрируют, что в массовом сознании родителей и учеников превалирует вариант ответа, характеризующий осуществляемую мактабов функцию позитивно с аргументацией, что они способствуют ознакомлению человека с базовыми положениями мусульманства, более того, «дают правильные знания об исламе и воспитывают настоящего мусульманина». Такая позиция объясняется тем, что распространение на территории Северного Кавказа, впрочем, как и других исповедующих мусульманство субъектах России, идей радикального ислама, террористические акты под лозунгами защиты исламского учения от неверных и т.д. способствовало появлению в обществе негативного настроения к исламу в целом, его последователям в частности. Однако опрошенные не усматривают какую-либо существенную роль примечетской школы в противостоянии к экстремистским исламским идеям, следовательно, и в обеспечении национальной безопасности Российского государства. Подытоживая данные на этот вопрос, можно утверждать, что респонденты в основном деятельность мактабов связывают, большей частью, именно с образовательным аспектом, а иные ее возможности слабо оцениваются.

Если посмотреть результаты на вопрос «Как Вы думаете, какую роль выполняют примечетские школы в настоящее время?» в разрезе образовательного статуса, то картина выглядит следующим образом (табл. № 2).

Таблица № 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, какую роль выполняют примечетские школы в настоящее время?» (%)**

Варианты ответов	Родители	Ученики
Положительную, примечетские школы позволяют знакомить людей с основами исламского учения и дают правильные знания об исламе, воспитывают настоящего мусульманина	22,4	81,9
Положительную, примечетские школы обеспечивают сохранение мусульманского сообщества и помогают рядовому мусульманину интегрироваться в поликонфессиональное российское общество	11,0	8,5
Положительную, примечетские школы являются барьером к проникновению экстремистских исламских идей и вносят вклад в обеспечение национальной безопасности Российского государства	1,2	3,7
Положительную, примечетская школа вовлекает слабоверующих в ислам, укрепляет веру у мусульман, расширяет мусульманское сообщество	2,7	3,2
Положительную, примечетская школа осуществляет воспитательную и религиозно-просветительскую деятельность	1,6	1,8
Положительную, примечетская школа формирует религиозную (исламскую) идентичность	1,7	0,9

Таблица 2

Варианты ответов	Среднее	Среднее специальное	Высшее
Положительную, примечетские школы позволяют знакомить людей с основами исламского учения и дают правильные знания об исламе, воспитывают настоящего мусульманина	80,1	79,4	91,5
Положительную, примечетские школы обеспечивают сохранение мусульманского сообщества и помогают рядовому мусульманину интегрироваться в поликонфессиональное российское общество	8,9	9,5	5,1
Положительную, примечетские школы являются барьером к проникновению экстремистских исламских идей и вносят вклад в обеспечение национальной безопасности Российского государства	3,1	9,5	0
Положительную, примечетская школа вовлекает слабоверующих в ислам, укрепляет веру у мусульман, расширяет мусульманское сообщество	4,5	0	1,7
Положительную, примечетская школа осуществляет воспитательную и религиозно-просветительскую деятельность	2,4	0	1,7
Положительную, примечетская школа формирует религиозную (исламскую) идентичность	1,0	1,6	0

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ученики, обучающиеся в примечетской школе, независимо от образования положительно оценивают их роль в современном дагестанском обществе. Результаты опроса по возрастному признаку свидетельствуют о том, что вариант ответа «положительную, примечетские школы позволяют знакомить людей с основами исламского учения и дают правильные знания об исламе, воспитывают настоящего мусульманина» отмечена 17,4 % респондентов со средним, 37,9 % средним специальным и 31,4 % высшим образованием. Далее, суждение «положительную, примечетские школы обеспечивают сохранение мусульманского сообщества и помогают рядовому мусульманину интегрироваться в поликонфессиональное российское общество» разделяют 20,3 % респондентов со средним, 24,1 % средним специальным и 42,9 % высшим образованием. Функцию мактабов с воспитательной ролью связывают 26,1 % имеющих среднее, 31,0 % среднее специальное и 17,1 % высшее образование. Если в целом по массиву, авторскую гипотезу о роли примечетской школы в формировании исламской идентичности не подтвердилась, то эмпирические данные по образовательному пара-

метру показывают, что респонденты с низким образовательным уровнем наделяют их большими возможностями в формировании религиозной идентичности, по сравнению, с подгруппой, которая имеет высокую квалификацию: 36,1 % со средним, 6,9 % средним специальным и 8,6 % высшим образованием.

Далее в исследовании был задан вопрос «Как Вы думаете, нужны ли в современном Дагестане примечетские школы?», на который 56,1 % ответили утвердительно с аргументацией возможности «избежать в сознании обучаемых появления радикальных идей» (56,1 %), при условии если обучение «происходит под контролем органов, призванных контролировать образовательный процесс» (24,5 %) и «ведется на основе образовательных программ, одобренных учреждениями ответственными за мусульманское образование» (19,4 %).

Заключение.

Проведенное исследование показывает, что в современном обществе большое значение имеет религиозное, в данном контексте исламское образование. При проведении эмпирического

исследования был сделан вывод о том, что социально-демографические параметры обучающихся отличаются разнообразием: так, в мактабах учатся дети дошкольного и школьного возраста, а также поколение имеющее среднее, среднее специальное и высшее образование. Разнообразным является контингент обучающихся и по возрасту, по гендерному признаку можно сказать состав учеников примерно одинаков.

Эмпирическое исследование показывает, что в массовом сознании ключевую функцию мактабов усматривают в ознакомлении учеников с основами исламского учения и получении правильных знаний об исламе, которые в совокупности позволяют «воспитать настоящего мусульманина». При этом результаты опроса показывают различие процентных параметров по многим позициям. Ученики примечетских школ придерживаются позиции о востребованности мактабов с мотивацией, чтобы:

а) обучаемые получали правильные знания об исламе,

Литература:

1. *Айнутдинова К.* Проблематика развития мусульманского образования в России и в Средней Азии / К. Айнутдинова // Минбар. Исламские исследования. 2009. № 2(4). С. 5–14.
2. *Аккиева С.И.* Ислам в Кабардино-Балкарской Республике. М., 2009. 133 с.
3. *Аккиева С.И.* Исламские учебные заведения и мусульманское образование на Северном Кавказе: состояние и перспективы / С.И. Аккиева; Отв. ред. Д.В. Брилев // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве : Сборник статей. Казань : Изд-во КФУ, 2014. С. 330–342.
4. *Алмазова Л.* Религиоведение и преподавание знаний о религии детям в современном Татарстане. URL : www.religion.ranepa.ru (дата обращения 27.09.2019).
5. *Аюбова Ш.И.* Модернизационные процессы в дагестанской школе в начале XX века / Ш.И. Аюбова // Среднее профессиональное образование. 2009. № 3. С. 73–77.
6. *Муртузалиев С.И.* Система исламского образования Дагестана в конце XX – начале XXI в. / С.И. Муртузалиев // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в. (Казань, 25–26 марта 2016 г.). Казань, 2016. С. 260–270.
7. *Наврузов А.* Перспективы исламского образования в Дагестане / А. Наврузов // Вестник Евразии. 2007. № 3. С. 78–89.
8. Религии и религиозные организации Дагестана. Махачкала, 2001. С. 101.

б) избежать в сознании обучаемых появления радикальных идей;

в) если обучение происходит под контролем органов, призванных контролировать образовательный процесс (программы обучения, методики обучения, предметы обучения и т.д.);

г) при том условии, что обучение ведется на основе образовательных программ, одобренных учреждениями ответственными за мусульманское образование (Духовное управление мусульман Дагестана). Вместе с тем, само исламское образование сопряжено с большими трудностями, которые будут проявляться по-разному с различной степенью интенсивности, но при надлежащем уровне обучения, по мнению автора, возможно снижение формирования в массовом сознании радикальных идей, хотя имеет место и другой не менее существенный фактор – стремление мусульманского духовенства доминировать во всей социальной ткани современного дагестанского общества.

Literature:

1. *Ainutdinova K.* Problems of the development of Muslim education in Russia and Central Asia / K. Ainutdinova // Minbar. Islamic studies. 2009. № 2(4). P. 5–14.
2. *Akkieva S.I.* Islam in the Kabardino-Balkar Republic. M., 2009. 133 p.
3. *Akkieva S.I.* Islamic educational institutions and Muslim education in the Northern Kav-kaza: state and prospects / S.I. Akkieva; editor-in-chief D.V. Brilev // Islam in the multicultural world: Muslim movements and mechanisms for reproducing the ideology of Islam in the modern information space : Collection of articles. Kazan : Publishing House of KFU, 2014. P. 330–342.
4. *Almazova L.* Religious studies and teaching of knowledge about religion to children in modern Tatarstan. URL: www.religion.ranepa.ru (date of application 27.09.2019).
5. *Ayubova S.I.* Modernization processes in a Dagestan school at the beginning of the 20th century / S.I. Ayubova // Secondary vocational education. 2009. № 3. P. 73–77.
6. *Murtuzaliev S.I.* The system of Islamic education of Dagestan in the late XX – early XXI centuries / S.I. Murtuzaliev // Teacher of history in the socio-cultural space of Eurasia in the late XX – early XXI centuries. (Kazan, March 25–26, 2016). Kazan, 2016. P. 260–270.
7. *Navruzov A.* Prospects of Islamic education in Dagestan / A. Navruzov // Vestnik Evrazii. 2007. № 3. P. 78–89.
8. Religions and religious organizations of Dagestan. Makhachkala, 2001. P. 101.

9. *Хабермас Ю.* (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер; Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). М., 2006. 112 с.

10. *Ханбабаев К.* Состояние и проблемы исламского образования в Республике Дагестан / К. Ханбабаев. URL : http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/pedagog_hanbabaev.htm? (дата обращения 10.10.2019).

11. *Четверикова О.Н.* Значение системы образования для обеспечения национальной безопасности России. URL : <http://3rm.info/publications/59500-dokladon-chetverikovoy-znachenie-sistemy-obrazovaniya-dlya-obespecheniya-natsionalnoybezopasnosti-rossii.html> (дата обращения 15.01.2016).

12. *Юнусова А.Б.* Имамы – слабое звено российского ислама (к вопросу о духовных ресурсах безопасности) / А.Б. Юнусова // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 5(133).

13. *Якупов В.* Соотношение религии и общества в духовном образовании / В. Якупов // Система мусульманского религиозного образования у татар: история, проблемы, перспективы. Сборник материалов научно-практической конференции (Казань, 13 октября 2004 г.). Казань, 2005. С. 15–23.

9. *Habermas Yu.* (Benedict XVI) Dialectics of secularization. About Reason and Religion / Yu. Habermas, J. Ratzinger; Translation from German (Series «Modern Theology»). М., 2006. 112 p.

10. *Khanbabaev K.* The state and problems of Islamic education in the Republic of Dagestan. URL : http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/pedagog_hanbabaev.htm? (date of application 10.10.2019).

11. *Chetverikova O.N.* The importance of the education system for ensuring the national security of Russia. URL : <http://3rm.info/publications/59500-dokladon-chetverikovoy-znachenie-sistemy-obrazovaniya-dlya-obespecheniya-natsionalnoybezopasnosti-rossii.html>

12. *Yunusova A.B.* Imams – the weak link of Russian Islam (on the issue of spiritual resources of security) / A.B. Yunusova // Economics and Management: a scientific and practical journal. 2016. № 5(133).

13. *Yakupov V.* Correlation of religion and society in spiritual education / V. Yakupov // Sistema musulmanskogo religioznogo obrazovaniya u tatars: istoriya, problemy, perspektivy. Collection of materials of the scientific and practical conference (Kazan, October 13, 2004). Kazan, 2005. P. 15–23.

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна
 доктор социологических наук,
 профессор,
 заведующая отделом,
 Институт истории,
 археологии и этнографии
 Дагестанского научного центра РАН
 madina2405@mail.ru

**ОТРАЖЕНИЕ
 СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
 ПОЛОЖЕНИЯ ГОРОДСКОГО
 НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА
 НА СОСТОЯНИЕ
 МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ
 В НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

Аннотация. Проблема межнациональной толерантности и межэтнического климата, факторы деформации позитивного межнационального взаимодействия и коммуникации актуализированы в современном российском обществе. Особенно ярко эти вопросы проявляются в полинациональной и поликонфессиональной среде, каковым является Дагестан. В рамках исследования этнических процессов в городском пространстве Дагестана, был рассмотрен такой аспект как роль социально-экономического компонента в сохранении межэтнической стабильности и согласия в республике, его влияние на состояние межнациональной ситуации. Авторское предположение о существенной роли уровня материального благополучия, степени удовлетворенности и неудовлетворенности своим финансовым положением и его отражении на характер межнациональной коммуникации, частотности личностного взаимодействия, формирование межнациональной толерантности нашло свое подтверждение в ходе исследования. По результатам нашего исследования установлено, что в массовом сознании опрошенного городского населения преобладает позиция, характеризующая материальное положение своей семьи как «денег, в основном достаточно, но на покупку дорогих вещей сбережений не хватает», причем доля придерживающихся данного суждения существенно больше в подмассиве, имеющих высокий образовательный статус. Иными словами, опрошенное городское население свое материальное благополучие оценивает негативно, обозначая сложность обеспечения семьи необходимыми для удовлетворения потребностей продуктами. Преградой для повышения социально-экономической активности опрошенных выступает невысокий уровень оплаты труда, причем данное суждение ближе респондентам с высокой квалификацией; не менее существенную роль в данном

Madina M. Shahbanova
 Doctor of Sociological Sciences,
 Professor,
 Head of Department,
 Institute of History,
 Archeology and Ethnography
 Dagestan Scientific Center
 of the Russian Academy of Sciences
 madina2405@mail.ru

**REFLECTING
 THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION
 OF THE URBAN POPULATION
 OF DAGESTAN ON THE STATE
 OF THE INTER-ETHNIC SPHERE
 IN MODERN RUSSIAN HISTORY**

Annotation. Problems of interethnic tolerance and interethnic climate, factors of deformation of positive interethnic interaction and communication are actualized in modern Russian society. These problems are mostly actualized in multiethnic and poly-confessional area of Dagestan. The role of socio-economic component in maintaining interethnic stability and solidarity in the republic as well as its influence on condition of interethnic situation were researched as part of the study ethnic processes in city area of Dagestan. The hypothesis of the author about the role of wealth and its reflection on the character of interethnic communication, frequency of personal interaction, formation of interethnic tolerance has confirmed in the research. As a result of our research it was found out that there was dominant position among respondents in the cities characterizing well-being level of family as «it is sufficient quality of money but for purchasing expensive things it is not sufficient money», moreover the proportion of those with high education level is higher among mentioned respondents. In other words respondents negatively estimate their well-being and they signify difficulty of supporting family with necessary products. Low level of payment is obstacle for the growth of socio-economic activity; moreover respondents with high level of qualification share this opinion. Deficiency of productive and non-productive infrastructure plays significant role in these processes, as well as low level and quality of life, unemployment and problems of employment of youths. There is maintaining basic principles of social justice in mass consciousness of city population of Dagestan and they understand these principles as equality before the law, equal level of well-being, ensuring order and justice in the society, ensuring wealth of population, ensuring interethnic and poly-confessional stability in the society, introduction of progressive taxation, support for the poor and lonely people. In the same

процессе играет отсутствие развитой производительной и непроизводительной инфраструктуры, низкий уровень и качество жизни, безработица и проблема трудоустройства, особенно молодого поколения. В массовом сознании городского населения Дагестана существенное значение имеет обозначение респондентами необходимости соблюдения базовых принципов социальной справедливости, под которой они понимают равенство всех перед законом, одинаковый уровень жизни всех людей, обеспечение порядка и справедливости в обществе, материального благосостояния людей, обеспечение межнациональной и межрелигиозной стабильности в обществе, введение прогрессивного налогообложения, поддержка малоимущих, одиноких людей. В то же время, результаты опроса показывают, что в массовом сознании имеет место позиция, что социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет.

Ключевые слова: доходы, горожане, городское население, городское пространство, материальное благополучие, материальная обеспеченность, социальная справедливость, межнациональные отношения, межнациональный климат, социально-экономическое положение.

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования.

В настоящее время не вызывает сомнения, что усиление этнического фактора на постсоветском пространстве способствовал развал Советского Союза, утрата значимости прежней социалистической идеологической платформы, провозглашавшей принципы интернационализма, дружбы и равенства народов. Появление новых государств на территории бывшего СССР закономерно сопровождалось активизацией значимости ценностно-символической системы доминирующего этноса, способной осуществить этнополитическую мобилизацию: «В начале 1990-х гг. РФ столкнулась с явлением этнического национализма как идеологией обретения политической самостоятельности и суверенитета ряда республик и как идеологией общественного движения, нацеленного на защиту групповых интересов от лица того или иного российского народа, понимаемого в терминах этнокультурной общности» [10, с. 6].

Трансформация современной концепции национальной политики Российского государства от защиты этнических интересов в сторону признания мультикультурных тенденций показывает, что этнический компонент не теряет своей важности на повседневном уровне, ибо остается формой социальной организации этнокультурных отличий. Более того, национальный фактор порой выполняет ключевую роль, во-первых, в ситуации роста миграции, во-вторых, на фоне обострения социально-экономических проблем.

Существенно рост интереса к городской проблематике обозначился на фоне интенсификации урбанизационных процессов и концентрации

time the survey has showed that there is opinion in the mass consciousness that social equality is out of reach and had never been in the past.

Keywords: incomes, citizens, city population, city area, well-being, material well-being, social justice, inter-ethnic relations, interethnic climate, socio-economic position.

населения в узком пространстве. Ключевую роль в институционализации социологии города в XX в. выполнили представители Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт, У. Томас, Ф. Значеккий и др.), заложившие начало исследованию города и городской жизни. Иными словами, проблема города и городского пространства, социального самочувствия горожан, отношение к миграции, межнациональная коммуникация, межэтническая брачность, архитектура, инфраструктура и ряд других вопросов приобрел важность в современной науке, даже можно утверждать, что этому в определенной степени способствовала глобализация и глобализационные процессы, заметно меняющие сам образ города в целом как такового.

Если обратиться к самой социологии города, то она представляется одной из сложных направлений по причине того, что следствием взаимодействия глобальных, региональных, природных, экономических, социальных и культурных факторов выступают урбанистические процессы. При этом следует учесть, что процесс урбанизации обладает случайной характеристикой, ибо одни субъекты уходят с исторической арены, при повышении влияния иных. Кроме того, и сам процесс урбанизации, наряду с наукой, предметом которой является его исследование, имеет собственную логику развития: «временами этот процесс уходит вперед по «стреле времени», а социология, его изучающая, отстает. Известны случаи, когда профессионал или гражданский активист в ситуации очевидной дезурбанизации стремятся заглянуть далеко вперед, «перепрыгивая» необходимые этапы исторической динамики. Не только «заглянуть», но и реализовать идеи на практике» [16, с. 117].

Город неизменно играл и играет значимую роль в общественном развитии, существенно влияя на жизненный стиль людей и их ценностные установки: «на огромной исторической дистанции город, реализуя свою социокультурную сущность, воспроизводит возможности и функциональные свойства – кумуляцию и интеграцию исторических достижений общества (производственный потенциал, социальные связи, культурные ценности, духовную энергию человека). Город в этом плане есть явление объективно необходимое в организации, функционировании и развитии определенного по своему содержанию и социокультурной характеристике общества при всей сложности и многообразии его исторического изменения. Вплетенный в социальную ткань общества, город отражает и выражает его развитие, несет в себе все главные его особенности и одновременно обеспечивает последние. И как специфический действенный организм он с самого своего появления четко фиксируется и выделяется в сознании человека» [2, с. 3].

О важности изучения города и происходящих в нем процессов свидетельствует проведение 27–29 июня 2018 г. в Мадриде III-ей Конференции 37-го исследовательского комитета Европейской социологической ассоциации, занимающегося вопросами социологии города. В работе данного научного мероприятия активно участвовали представители самых разных научных направлений – социологи, политологи, географы, этнологи, антропологи и др. и ключевыми вопросами обсуждения в ее рамках были:

- а) риски и социальные проблемы, дестабилизирующее стабильное развитие современных городов;
- б) различные проявления интолерантности и неравенства в городской среде;
- в) социальные последствия сегрегации и реконструкции пришедших в упадок городских кварталов путём благоустройства и последующего привлечения более состоятельных жителей, которая в науке именуется джентрификацией;
- г) установление существующих отличий в возможностях и качестве жизни, обусловленных гендерной спецификой;
- д) проблемы социальной эксклюзии (исключение или ограничение доступа индивидов к жизненно важным социальным институтам, таким как труд, образование и др., что не позволяет им получать экономические ресурсы, необходимые для поддержания адекватного уровня жизни своего и своей семьи);
- е) миграция, миграционные процессы и социальное самочувствие мигрантов.

Иными словами, исследование города подразумевает необходимость анализа целого комплекса вопросов, в частности, приоритеты городских властей в социальной политике, что является одной из актуальных, например, из-за наличия большого массива ветхого и непригодного для

жилья строений, отсутствие обеспеченности транспортом, а также доступность необходимых для нормального функционирования социума условий, экологическая обстановка, состояние окружающей среды и др. Не вызывает сомнения, что при решении этих важнейших проблем активность должны проявлять сами горожане. А гражданская активность и ответственность, может быть, не очень сильно развитые, но существуют у современного городского населения, что, например, выражается в их активном участии в диспутах при переименовании улиц, названии объектов инфраструктуры, своего населенного пункта, проведении тех или иных работ, строек и т.д. Подтверждением являются события в Екатеринбурге, когда население выступило против строительства храма на территории сквера у Театра драмы; такие же протесты можно было увидеть и в других российских городах (Красноярск, Челябинск, Томск и др.).

Таким образом, в данной статье рассматривается социально-экономическое положение и отражение экономического компонента на характер межнационального взаимодействия.

Утверждение исследователей, что на характер межнациональных взаимодействий, формирование толерантности, состояние межэтнической сферы и т.д. отражаются внешние факторы, и наоборот, доказывается множеством исследований. Так, теория модернизации, автором которой является О. Тоффлер, выводит межэтническую напряженность и противостояние из экономического роста. Теория стадий экономического роста У. Ростоу, хотя и подвергалась жесткой критике, но опираясь на нее можно объяснить появление межнациональной интолерантности и этноконфликтов: так, индустриализация и урбанизация, хотя и косвенно, но способны стимулировать дестабилизацию общества.

В современной научной литературе имеется множество концепций, которые исследуют экономический фактор и его связь с этническими процессами. Не останавливаясь подробно на изложении имеющихся теорий, следует назвать К. Маркса и А. де Токвила, на основе работ которых была сформулирована так называемая «классическая гипотеза» о связи экономического неравенства с возникновением различного рода гражданских конфликтов. По мнению К. Маркса, неравенство является следствием деления общества на классы, определяемые по месту в общественном разделении труда и отношениям собственности на средства производства [11, с. 243]. «Почти все революции, изменявшие жизнь народов, совершались либо для того, чтобы укрепить, либо для того, чтобы уничтожить равенство. Удалите второстепенные факторы, рассматривая причины крупных волнений, и вы почти всегда обнаружите неравенство. Причинами волнений выступала то беднота, хотевшая захватить имущество богатых, то сами богачи, пытавшиеся поработить бедных» [13].

В концепции межэтнической толерантности зависимая переменная понимается, как согласие принимать представителей другой этноконфес-

сиональной принадлежности, так и предрасположенность доверять им. Индикаторами такого отношения являются готовность, во-первых, вступить в брак с представителем другой этнической группы, во-вторых, поддерживать представителей других этнических групп, в-третьих, участвовать в этническом дивертисменте [8, с. 30].

Формирование межэтнической толерантности неотделимо от процесса становления и развития гражданского общества, что предполагает усиление роли общественных и религиозных организаций, а также расширение их взаимодействия с социальным пространством. Многомерность городского пространства является демонстрацией одной из моделей межэтнического контактирования, причем межнациональная коммуникация выступает индикатором измерения толерантности и этнокультурной дистанции, что проявляется через позитивное или негативное отношение человека к определенным социальным группам.

В современной науке можно встретить направления не взаимоисключающие, но конкурирующие друг с другом при объяснении разновидности проявления принципов толерантности: – композиционного и контекстуального. Суть композиционного подхода заключается в признании существования большого пласта носителей интолерантности, обусловленного различными факторами среди которых низкий образовательный статус, вероисповедание, возраст. Сторонники контекстуального подхода базируются на суб-

культурной концепции, согласно которой города обладают неким культурным измерением, влияющим на содержание толерантности. Таким образом, аттитуды личности определяются не только ее личными характеристиками (образованием, возрастом, доходом), но также характеристиками окружающих людей и социальными связями между ними. Культурные отличия проявляются в вариациях толерантности независимо от их индивидуальных характеристик [8].

Характеристика исследования. Социологический опрос по изучению этнической идентичности городского населения Дагестана проведен методом случайного отбора в 2019 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт. N – 520.

Результаты исследования.

В рамках данного исследования представляется необходимым рассмотреть факторы, влияющие на уменьшение уровня и степени толерантности. Автор исходит из предположения, что экономический компонент является причиной появления в обществе межнациональной нетерпимости, поэтому среди задач, ставившихся в рамках исследования этнической идентичности городского населения, была и проблема отражения социально-экономических преобразований на межнациональные установки, а также, их роль в межэтнической сфере. Для реализации поставленной цели в анкету вошли вопросы, позволяющие установить существующие в массовом сознании тенденции при оценке уровня своей материальной обеспеченности (табл. № 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы можете охарактеризовать свое и своей семьи материальное положение?», (%)

Варианты ответов // Образование	Живем от зарплаты до зарплаты, денег с трудом хватает на питание	На ежедневные расходы денег хватает, но покупка одежды вызывает трудности	Денег, в основном достаточно, но на покупку дорогих вещей сбережений не хватает	Покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, но покупка автомобиля недоступна	Можем ни в чем себе не отказывать
Среднее	17,1	12,4	29,5	20,2	17,1
Среднее специальное	27,0	14,8	28,7	12,2	14,8
Высшее	19,9	20,2	40,1	10,7	6,6
Всего:	20,7	17,1	34,9	13,4	11,0

Эмпирические данные показывают преобладание в массовом сознании опрошенных позиции: «Денег, в основном достаточно, но на покупку дорогих вещей сбережений не хватает» (одна треть по всему массиву); по образовательному статусу больше разделяющих данное суждение в подгруппе имеющих высшее образование (каждый второй) и одна треть в подмассиве имеющих среднее и среднее специальное образование. С заметным отрывом от предыдущего суждения располагается противоположная позиция, констатирующая довольно бедственное положение респондентов – «живем от зарплаты до зарплаты, денег с трудом хватает на питание» – одна четвертая часть со средним специальным, каждый пятый с высшим и одна шестая часть со средним образованием. Далее вариант

ответа «на ежедневные расходы денег хватает, но покупка одежды вызывает трудности» разделяет каждый пятый в подмассиве с высоким образовательным статусом, в остальных подгруппах доля таковых заметно меньше: каждый восьмой со средним и одна седьмая часть со средним специальным образованием. Далее, респонденты со средним специальным и высшим образованием, с небольшой разницей, подчеркивают свои возможности приобретать товары длительного пользования, а среди имеющих среднее образование, больше доля отметивших невозможность покупки транспортного средства. Определенный скепсис вызывает позиция «ни в чем себе не отказываем», отмеченная респондентами с относительно невысоким уровнем образования, в то время как доля таковых суще-

ственно меньше в подмассиве с высшим образованием. Однако следует отметить, что работники частных структур зарабатывают существенно больше, по сравнению, с категорией населения занятых на государственной работе.

Дагестан довольно длительное время является дотационным регионом (по сведениям, республике в 2019 г. выделено 66,266 млрд руб.) [17] и любое повышение цен вызывает латентный протест в массовом сознании, имеются большие трудности при трудоустройстве, приводимые госструктурами статистические данные об уровне жизни населения не вызывают доверия и очень часто не соответствуют действительности. Кроме того, затянувшийся экономический кризис закономерно способствовал увеличению рисков, стремительному развитию деструктивных тенденций практически во всех социальных сферах, усилению нестабильности – это и ряд других факторов обусловил изменения в жизни россиян, порой негативные, среди которых актуальной является проблема социального неравенства. По мнению отечественных исследователей, «особая болезненность данной проблемы связана с глубокой поляризацией российского общества, возросшим имущественным неравенством, противоречивостью процессов социально-экономической дифференциации и их влиянием на формирование социальной политики государства в различных сферах» [6, с. 291]. Вследствие устойчивого и неконтролируемого усиления социально-экономического неравенства, социальная стратификация общества существенно выросла, тем самым усилив в современном российском обществе потенциал для социального протеста. Отчетливо проявляется поляризация населения, на фоне увеличения бедности большого пласта россиян, наблюдается противоположная тенденция – рост доходов олигархов, дорогие покупки (спортивные команды, недвижимость и т.д.), что закономерно способствует формированию социальной напряженности. Повышение социального неравенства, разный уровень материального благополучия, как правило, способствует еще большему углублению неравенства в доступе к разным ресурсам, причем существенно усилилась оценка проблемы неравенства населением: «существующие сегодня в России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения, независимо от их уровня жизни и динамики их личного благополучия. Что касается последствий ощущения избыточности и несправедливости неравенств, характеризующих российское общество, то они проявляются также в скрытом росте протестных настроений и недовольстве населения выбранным путем развития страны. Так, доля тех, кто заявляет, что путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик, в разы выше среди считающих нынешнюю систему распределения частной собственности несправедливой, чем среди оценивающих ее как правильную (42 % и 18 %, соответственно). Заметны различия по этому вопросу и между теми, кто считает, что население страны не получает достойного вознаграждения за свою квалификацию и знания, и теми, кто воспринимает оплату труда россиян как обоснованную и справедливую (39 % и 25 % соответственно)» [7, с. 48].

Современная социально-экономическая ситуация, по мнению российских исследователей, практически не имеет отличий в сравнении с другими государствами, хотя стоит отметить наличие высокого уровня диспропорции в равенстве в сопоставлении с крупными странами, имеющими развитую экономику. Так, согласно данным доклада «От Советов к олигархам. Неравенство и бедность в России. 1905–2016 годы», подготовленного международным коллективом экспертов к 100-летию революции, чуть более миллиона богатейших россиян в среднем имеют доход 470 тыс. евро в год и располагают 20 % национального дохода. В то же время 57 млн беднейших граждан (больше половины населения) получают только по 7,9 тыс. евро в год. При этом наблюдается постоянный рост концентрации богатства [3]. На долю 1 % сверхбогатых россиян приходится около 71 % всех личных активов, а на долю 5 % самых богатых – 82,5 %. Кроме того, 10 % наиболее обеспеченных российских граждан владеют 89 % совокупного богатства домохозяйств, что существенно больше, чем в других значительных экономиках, например, таких как экономики США и Китая – 78 % и 73 %, соответственно. Высокая концентрация богатства выражается и в том, что в России насчитывается 96 миллиардеров. Больше только в Китае и США (244 и 582, соответственно). А по данным исследования The Wealth Report 2017 г., представленного консалтинговой компанией Knight Frank, в России, несмотря на кризис, число долларовых миллионеров за 2016 г. выросло на 10 % и достигло 132 тыс. чел. Это составляет примерно 0,1 % населения страны, однако, в их руках сосредоточено 62 % общего благосостояния страны [5].

Приведенные выше данные показывают, что существующие в современном российском обществе социально-экономические проблемы, наличие мощного недовольства в массовом сознании не выливается в протесты против существующей власти, потому что в государстве отсутствует реальная сила, способная возглавить протестное движение, а критикующая власть оппозиция, не пользуется уважением населения по целому ряду объективных причин. На фоне обнищания людей, причем, трудоспособного населения, занятого в различных сферах, наблюдается резкое социальное расслоение. Даже экономический кризис и санкции не уменьшили доходы олигархата и он по-прежнему владеет большими богатствами. А такие процессы негативно отражаются на социальном самочувствии людей, особенно молодого поколения, которое не в состоянии обеспечить свое материальное благополучие. По мнению П.М. Козыревой и А.И. Смирнова, чрезмерное неравенство в России является следствием, как возросшего уровня концентрации богатства, так и значительной бедности. После распада Советского Союза, на этапе перехода от прежней экономической модели к рыночной экономике наблюдалось быстрое повышение неравенства по доходам, что продолжалось до 2008 г., хотя в последующий период картина немного улучшилась. Децильный коэффициент фондов (разрыв в доходах между 10 % самых богатых и 10 % самых

бедных граждан) с 1995 по 2007 г. вырос с 13,5 до 16,7 раз, но затем, после охватившего Россию экономического кризиса постепенно снизился к концу 2016 г. до 15,7 раз. Это же относится и к изменению величины коэффициента Джини (индекс концентрации доходов), свидетельствующего о степени расслоения общества, который с 1995 по 2007 г. вырос с 0,387 до 0,422, однако, к концу 2016 г. уменьшился до 0,414 [6, с. 291].

Разумеется, социологические исследования не всегда позволяют в полной мере провести каче-

ственный опрос, т.е. охватить наиболее важные и значимые для социолога акторы, поэтому невозможно показать реальную картину социально-экономического положения олигархата, впрочем, как глубину и масштаб бедного слоя российского общества. Вместе с тем, социологическое исследование позволяет охарактеризовать уровень материального благополучия, специфику российского неравенства и т.д., выявить препятствия, которые не позволяют человеку в полной мере реализовать свой интеллектуальный, творческий и трудовой потенциал (табл. № 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос
«Какие проблемы мешают повышению Вашей социально-экономической активности?», (%)

Варианты ответов	Низкий уровень доходов	Низкая оплата труда	Тяжелые условия труда на производстве	Неэффективность социальных гарантий	Реальная безработица	Низкий уровень и качество жизни	Отсутствие развитой производительной и непроизводительной инфраструктуры
Образование							
Среднее	39,5	41,9	5,4	11,6	29,5	18,6	24,8
Среднее специальное	46,1	47,8	7,8	10,4	22,6	19,1	21,7
Высшее	41,2	57,7	3,7	20,2	16,9	25,0	24,6
Пол							
Мужской	41,9	41,9	8,1	18,6	23,8	28,5	29,1
Женский	41,7	56,5	3,8	14,5	20,6	19,1	21,2
Возраст							
До 20 лет	32,0	43,0	8,0	8,0	31,0	19,0	32,0
От 20 до 30 лет	42,3	50,8	2,3	13,1	29,2	20,0	28,5
От 30 до 40 лет	42,6	59,1	4,3	13,0	12,2	21,7	10,4
От 40 до 50 лет	44,7	50,0	7,9	23,7	14,5	22,4	15,8
От 50 до 60 лет	46,3	48,1	5,6	29,6	16,7	40,7	40,7
От 60 лет и выше	51,3	61,5	5,1	20,5	15,4	15,4	23,1
Всего:	41,7	51,7	5,2	15,8	21,3	22,1	23,8

Полученные на вопрос: «Какие проблемы мешают повышению Вашей социально-экономической активности?» эмпирические данные показывают, что, хотя в вопросе: «Как Вы можете охарактеризовать свое и своей семьи материальное положение?» доминировало суждение «денег, в основном достаточно, но на покупку дорогих вещей сбережений не хватает» иную картину: по мнению большей части респондентов, превалирует позиция «низкая оплата труда», которая является для них барьером при реализации своих целей. Обращает на себя внимание, что придерживающихся данной позиции существенно больше в подмассиве имеющих высокий образовательный статус, в женской подгруппе и возрастном разрезе «от 30 до 40 лет» и «от 60 лет и выше». Далее, одна вторая часть респондентов подчеркивает суждение «низкий уровень дохода» и выделяются здесь подгруппы со средним специальным образованием и возрастной подмассив «от 60 лет и выше». Каждый четвертый опрошенный по всему массиву считает, что отсутствие развитой производительной и непроизводительной инфраструктуры является одним из препятствий на пути самореализации человека. С небольшой разницей респонденты указывают на низкий уровень и качество жизни и данный фактор занимает четвертое ранговое место. По социально-демографическим признакам доля придерживающихся данной позиции больше в

возрасте «от 50 до 60 лет» (каждый второй опрошенный), среди мужчин и респондентов с высшим образованием (одна четвертая часть). На сложности трудоустройства указывает одна треть респондентов со средним образованием и в возрастном разрезе «до 20 лет», а также каждый четвертый опрошенный в подгруппе мужчин. Вариант ответа «тяжелые условия труда на производстве» отмечен большей частью опрошенного мужского населения, по сравнению с женщинами, и имеющими среднее специальное образование.

В ходе анализа полученной социологической информации внимание было уделено такому фактору как «неэффективность социальных гарантий» – автор придерживался позиции, что данная причина может быть определена респондентами как ключевая, не позволяющая в полной мере самореализоваться. Однако, эмпирические данные, авторскую гипотезу не подтверждают, но относительно небольшие на фоне остальных результаты исследования, показывают осознание респондентами несоблюдения гарантированных им государством социальных прав – на труд, получение качественного образования и медицинской помощи и т.д., а это является базой для проявления негативных тенденций и роста социального протеста в современном дагестанском обществе.

К сожалению, в современный период даже наличие высшего образования, хорошей квалификации и работы не гарантирует высокий уровень материального благополучия. О. Голодец (бывший вице-премьер) констатировала, что «та бедность, которая фиксируется в стране, – это бедность работающего населения, это уникальное явление: работающие бедные» [18]. Главной причиной широкого распространения бедности, обусловленной положением работников на рынке труда, как и прежде [4], остается огромный дефицит рабочих мест с достойной заработной платой. Согласно данным Росстата, зарплату ниже прожиточного минимума получает около 2 млн россиян (7,3 % работающих на апрель 2017 г.). Вместе с тем, с учетом распределения всех доходов на всех членов семьи количество работающих бедных возрастает до 12,1 млн. чел. (16,8 % трудоспособного населения). Около 60 % всех бедных составляют люди в трудоспособном возрасте, из них 90 % работают [15]. По данным Росстата, реальные располагаемые доходы населения России в 2018 г. снизились на 8,3 % по сравнению с 2013 г. [19].

Разумеется, существующее различие по получаемым доходам обуславливает отсутствие у населения доступа к материальным благам, получению качественных услуг в сфере образования и здравоохранения. Более того, декларирование на государственном уровне существующих проблем в социальном обеспечении, признание страты, проживающей за чертой бедности, свидетельствует об актуальности, следовательно, и значимости данной проблемы. Неоднократно, обозначенное социальное расслоение российского общества является одним из деструктивных факторов в процессе формирования межнационального согласия и сохранения стабильности, а также, констатирует снижение разных форм доверия (обобщенного, институционального и межличностного), что, в конечном итоге, приводит к повышению социальной отчужденности. А такая ситуация вполне способна, хотя и косвенно, отразиться на состоянии этнической идентичности, усилить ее деструктивные типы, что при неблагоприятной ситуации вполне может спровоцировать межнациональное противостояние и конфликт.

Уменьшение экономического неравенства населения является очень сложным процессом, его преодоление возможно, и не является секретом, только при существенном экономическом росте, достичь которого очень сложно, принимая во внимание проводимую в Российском государстве экономическую политику. Несмотря на заверения федеральной власти о снижении порога бедности, повышении уровня жизни и т.д., реальная картина выглядит довольно мрачной – безработица, особенно в молодежной среде, коррупция, низкий уровень жизни, некачественная медицина, образование, рост услуг ЖКХ, порой не очень качественных, и множество не менее значимых вопросов, способствует социальной поляризации, соответственно, и росту социальной напряженности. Можно согласиться с утверждением А.Б. Вебер, что «в настоящее время одной из главных опасностей, способных

его затормозить или отбросить назад, становится риск очень медленного экономического развития, которое создает реальную угрозу более широкого распространения в стране социального неблагополучия и усиления поляризации общества... существует прямая зависимость неравенства от экономического роста, что большему неравенству чаще соответствуют низкие или отрицательные показатели экономического роста и меньший уровень развития человеческого потенциала» [1].

По мнению исследователей, расширение поля контроля экономической основы общества со стороны богатой прослойки приведет, с одной стороны, увеличению их благосостояния, с другой, сужению пространства для существования социальной справедливости, соответственно, и распределению доходов для среднего класса. Разумеется, в настоящее время стали уделять внимание социальной сфере, хотя она и запоздалая мера, но, в некоторой степени политика в данной области может снизить социальную напряженность. По мнению автора, одной из мер в обеспечении, хотя и относительной социальной справедливости, может быть, введение прогрессивного подоходного налога, а также налога на роскошь. Данное предложение было неоднозначно воспринято в российском обществе: если несостоятельная прослойка социума активно его поддерживает, то в такой же степени его неприятие встречается со стороны олигархата. Власть при видимости поддержки малообеспеченного слоя, в реальности же защищает интересы богатых людей. Также, следует отметить, что призыв ввести прогрессивный подоходный налог неоднократно поднимался и депутатами Госдумы, особенно, отчетливо он зазвучал при повышении пенсионного возраста. Согласно данным социологических исследований, введение этих мер (введение прогрессивного подоходного налога и налога на роскошь – Авт.) поддерживают более 90 % россиян [14]. Соответственно, при такой сложной ситуации возникает проблема социальной справедливости (табл. № 3).

Полученные результаты нашего исследования показывают, что ключевым в понимании феномена «социальная справедливость» является «равенство всех перед законом», отмеченное одной второй частью во всех подгруппах, за исключением дагинцев (каждый третий) и азербайджанцев (одна шестая часть). По образовательному признаку отличий между подгруппами не выявлено и варьируется в пределах от 44,3 % имеющих среднее образование до 45,0 % с высшим образованием, в то время, как их больше в возрастном подмассиве «от 50 до 60 лет» (52,5 %). Происходившие в Дагестане громкие аресты высокопоставленных чиновников, должны были в определенной мере поменять существующие в массовом сознании дагестанцев позиции. Однако эмпирические данные свидетельствуют о том, что низкий уровень доверия различным уровням власти формирует негативное отношение населения вообще к власти в целом, неверие в существование справедливости в обществе. Кроме того, довольно высокий уровень коррупции при низком уровне матери-

ального благосостояния дагестанцев на фоне безбедного существования так называемой дагестанской элиты, которая имеет доступ к власти и обладает ресурсом влияния, логично формирует в установках опрошенных понимание социальной справедливости как равенства всех людей, независимо от социального и материального статуса, перед законом. Реалии свидетель-

ствуют об избирательности применения законов в отношении правонарушителей обладающих разным социальным статусом, существование коррупции, например, в правоохранительных структурах, призванных защитить людей и т.д., что обуславливает формирование недоверия к власти целом (судебной, законодательной, исполнительной).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Что Вы понимаете под социальной справедливостью?», (%)

Варианты ответов / Национальности	Равенство всех перед законом	Одинаковый уровень жизни всех людей (отсутствие богатых и бедных)	Обеспечение порядка и справедливости в обществе	Обеспечение материального благосостояния людей	Обеспечение межнациональной и межрелигиозной стабильности в обществе	Введение прогрессивного налогообложения (когда с людей берут налог с учетом уровня их доходов, а не так, когда со всех людей, независимо от уровня их доходов, берут 13 % налога)	Поддержка малоимущих, одиноких людей	Социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет
Аварцы	49,1	29,7	27,3	27,3	7,3	11,5	15,2	15,2
Азербайджанцы	15,4	30,8	23,1	38,5	7,7	15,4	15,4	30,8
Даргинцы	33,3	36,7	21,7	31,7	8,3	15,0	10,0	16,7
Кумыки	48,3	22,4	24,1	22,4	6,9	13,8	8,6	22,4
Лакцы	44,3	32,9	34,2	30,4	5,1	6,3	12,7	13,9
Лезгины	47,8	23,2	29,0	30,4	11,6	8,7	11,6	14,5
Русские	50,0	26,5	38,2	14,7	5,9	5,9	8,8	17,6
Чеченцы	42,0	24,0	34,0	20,0	2,0	14,0	10,0	6,0
Другие	42,3	34,6	19,2	23,1	15,4	19,2	11,5	11,5
Всего:	44,8	28,9	28,3	26,7	7,4	11,4	12,1	15,3

Также, немало случаев, когда от наказания уходят как сами высокопоставленные чиновники и представители власти, совершившие тяжкие преступления, так их дети и родственники. На второй и третьей позициях, с разницей в сотые доли располагаются два суждения – «одинаковый уровень жизни всех людей (отсутствие богатых и бедных)» и «обеспечение порядка и справедливости в обществе». Важность отсутствия расслоения общества подчеркнута каждым третьим опрошенным в подмассиве аварцев, азербайджанцев и лакцев, в остальных подгруппах их доля составляет одна четвертая часть. Существование в массовом сознании дагестанцев необходимости сохранения одинакового уровня материального благополучия, которое можно назвать уравниловкой была характерна социалистической системе, свидетельствует о специфике нашей республики, а также, об ориентированности респондентов на поддержание равной пропорции в оплате труда под лозунгами соблюдения принципов социальной справедливости. Также можно предположить, что выбор опрошенными суждения «одинаковый уровень жизни всех людей (отсутствие богатых и бедных)» обусловлен низким уровнем социально-экономического положения Дагестана, отсутствием условий и потенциала для экономического развития, занятия предпринимательской деятельностью и иными причинами, препятствующими полноценному развитию среднего и малого бизнеса. С другой стороны, противоречивость

в установках опрошенных показывает вкладывание ими в содержание социальной справедливости необходимости обеспечения порядка и справедливости в обществе. Далее, «обеспечение материального благосостояния людей» с небольшой разницей находится на четвертом месте и выбравших его, по сравнению с другими подгруппами, больше в подгруппе азербайджанцев, даргинцев, лакцев и лезгин и меньше в подмассиве русского населения (каждый восьмой опрошенный). Обращает на себя внимание позиция одной седьмой части респондентов разочарованных в мироустройстве и утверждающих, что «социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет». Это так называемая группа пессимистов. Каждый восьмой опрошенный по всему массиву, под социальной справедливостью понимает поддержку малоимущих и одиноких людей и доля выбравших данную позицию сравнительно больше среди аварцев, азербайджанцев, лакцев и лезгин. Наиболее вероятной причиной распространенности понимания социальной справедливости как «поддержки малоимущих, одиноких людей» является то, что такая позиция соответствует большей частью мнению респондентов с семейным статусом, когда необходимо обеспечивать свою семью, а также старшим возрастным группам населения. Автор исходил из предположения, что чем старше респондент, тем с большей долей вероятности он предпочтет именно такое понимание социальной справедливости. По ре-

зультатам нашего исследования, совершенно противоположные по возрасту группы отметили данное суждение: 18,0 % «до 20 лет», 14,8 % «от 50 до 60 лет» и 16,0 % «от 60 лет и выше», в остальных подмассивах доля отметивших данную позицию менее 10 %. Также была выдвинута гипотеза, что в массовом сознании опрошенных одну из ключевых мест займет суждение «введение прогрессивного налогообложения». Эмпирические данные показывают, что данный вариант ответа не нашел поддержки в установках дагестанцев и занимает предпоследнее место среди предложенных 8 вариантов ответов. По этнической принадлежности больше всего отметивших его в подмассиве азербайджанцев (одна шестая часть) и аварцев (каждый седьмой опрошенный), в возрастных подгруппах «от 20 до 30 лет» (17,4 %) и «от 50 до 60 лет» (18,0 %), а также среди имеющих среднее специальное (11,8 %) и высшее образование (14,0 %). Вместе с тем одни специалисты считают, что эти меры не дадут желаемого эффекта, а будут способствовать росту теневых доходов, приведут к дополнительному давлению на бизнес и нанесут удар по среднему классу. И в тоже время другие полагают, что введение прогрессивной шкалы значительно повысит доходы государства и поможет поддерживать политическую стабильность в обществе. Расчеты экономистов, в частности, показывают, что серьезное повышение ставки НДФЛ только лишь для самых богатых могло бы в 2017 г. дать бюджету дополнительно до 1,5 трлн руб., что составляло бы примерно половину бюджетного дефицита и вдвое больше того, что можно было бы собрать, ужесточив налоговые условия для бедных [9].

Далее, для дагестанских народов обеспечение межнациональной и межрелигиозной стабильности в обществе мало связано с феноменом социальной справедливости и только каждый четырнадцатый опрошенный по всему массиву придерживается данной позиции, по национальной принадлежности доля таковых больше в подгруппе лезгин (каждый девятый опрошенный). Иными словами, данное суждение оказалось самым непопулярным среди предложенных вариантов ответов.

В связи с вышесказанным, актуально звучит мысль о том, что «в России же в 1990-е годы демонтаж советской системы начался и, в основном, ограничился свертыванием именно социальных основ предшествующего строя. Любые разговоры о том, что, помимо политических прав и свобод, есть еще и социальные, трактовались, особенно на начальном этапе реформ, как чуть ли не призыв к возврату в «тоталитарное прошлое», к модели «социалистической демократии», базирующейся на этатизме и патернализме» [12, с. 155]. При этом, мерами сдерживающим рост экономического неравенства являются привлечение разных моделей, стимулирующих экономический рост при обеспечении существенного роста граждан, имеющих активы, увеличение доли малого и среднего бизнеса и т.д. Иными словами, необходимо уделить большое внимание формированию высокотехнологичного

производства и внедрению современных технологий, способных обеспечить высокий уровень развития российской экономики, а также создание рабочих мест с достойной заработной платой.

Заключение.

Таким образом, исследование подтверждает распространенную в массовом сознании позицию о необходимости соблюдения равенства между всеми, что позволяет констатировать существование в латентной форме в установках опрошенных ориентированности на уравниловку. Вместе с тем, количественное соотношение между сторонниками понимания социальной справедливости как равенства всех граждан перед законом и «уравниловки» примерно такое же, как между сторонниками материальной обеспеченности и обеспечения порядка и справедливости в обществе. Кроме того, можно констатировать довольно высокий запрос на социальную справедливость и апеллирование при этом исключительно к государству, как гаранту защиты прав всех людей независимо от их социального статуса, положения, национальной и религиозной принадлежности.

В массовом сознании и поведении большей части населения, особенно малообеспеченного, превалирует ориентация на удовлетворение материальных нужд, обеспечение своего и своей семьи материального благополучия, что свидетельствует о важности для опрошенных потребности в материальном достатке, а это, в свою очередь, доминирует над иными ценностями, в частности, духовными. При существующей в стране сложной экономической ситуации, которая закономерно отражается на социальном самочувствии населения, многие духовные ценности, принципы и установки оказываются задвинутыми на второй план, более того, сами люди демонстрируют «экономный образ жизни» о чем свидетельствует, например, приобретение необходимых вещей в магазинах «Эконом», а также продуктов в основном не в супермаркетах, а на рынке. Иными словами, можно констатировать характерность для опрошенных ограничение своих потребностей и ориентацию контролировать свои расходы, которые в совокупности обусловили существенное изменение структуры потребления семей. Несмотря на провозглашение значимости социальной сферы в государственной политике, принимаемые меры носят поверхностный характер при практически полном отсутствии адресной помощи малообеспеченным слоям населения. Например, также можно вспомнить о программе оказания продовольственной помощи малоимущим гражданам, однако, все ограничилось только дискуссиями, а реальных мер не было принято. Анализ полученного эмпирического материала констатирует, что в массовом сознании превалирует суждение, констатирующее, что опрошенным материальных средств хватает, но при этом сложно совершать покупку дорогих вещей. Однако анализ по остальным параметрам показывает, что материальное благополучие респондентов не очень хорошее.

Литература:

1. Вебер А.Б. Неравенство и развитие / А.Б. Вебер; Под ред. А.А. Галкина и Ю.А. Красина // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике. М. : УКГФ, 2005. С. 69–76.
2. Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. М. : Наука, 1995. 351 с.
3. Гайва Е. Не только в отдельно взятой стране / Е. Гайва, Т. Гурова, Е. Обухова // Эксперт. 2017. № 38. С. 15–23.
4. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / Г.Е. Бесстреманная, А.Я. Бурдяк, А.С. Заборовская [и др.]; Рук. авт. колл. Т.Н. Овчарова. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 135–140.
5. Красиво жить не запретишь // Инвест-Арена. URL : https://www.finversia.ru/news/events/krasi_vozhit-ne-zapretish-16570 (дата обращения 12.02.2019).
6. Козырева П.М. Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России / П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 16. М. : Новый Хронограф, 2018. С. 290–318.
7. Мареева С.В. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании / С.В. Мареева, Н.Е. Тихонова // Мир России. 2016. № 2. С. 37–67.
8. Мирошникова О.В. Толерантность в социальном пространстве города / О.В. Мирошникова, Г.Ю. Щекин, И.Е. Рева // Социология города. 2011. № 4. С. 29–35.
9. Обухова Е. Цена справедливости / Е. Обухова; Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой // Эксперт. 2017. № 9. Российское общество и вызовы времени. Книга третья. М. : Весь Мир, 2016.
10. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М. : Альфа-М, 2011. 280 с.
11. Социальные факторы межэтнической напряженности в России : монография / Отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М. : ФНИСЦ РАН, 2017. 336 с.
12. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М. : Новый хронограф, 2010. 256 с.
13. Токвиль А. Старый порядок и революция. М. : Московский философский фонд, 1997. 424 с.
14. Цена роскошной жизни. Исследовательский холдинг Ромир. Октябрь 2017 г. // ROMIR. URL : http://romir.ru/studies/970_1508965200/ (дата обращения 12.05.2019).

Literature:

1. Weber A.B. Inequality and Development / A.B. Weber; Ed. A.A. Galkina and Yu.A. Krasina // Social inequality in Russia: challenges to society and public policy. M. : UKGF, 2005. P. 69–76.
2. City as a sociocultural phenomenon of the historical process / Responsible editor E.V. Saiko. M. : Science, 1995. 351 pages.
3. Gaiva E. Not only in a single country / E. Gaiva, T. Gurova, E. Obukhova // Expert. 2017. № 38. P. 15–23.
4. Income and social services: inequality, vulnerability, poverty / G.E. Bestryannaya, A.Ya. Burdyak, A.S. Zaborovskaya [et. al.]; Auto Call Manager T.N. Ovcharova. M.: Ed. HSE GU House, 2005. P. 135–140.
5. Do not forbid living beautifully//Invest-Arena. URL : https://www.finversia.ru/news/events/krasi_vozhit-ne-zapretish-16570 (date of application 12.02.2019).
6. Kozyreva P.M. The scale and dynamics of social and economic inequality in modern Russia / P.M. Kozyreva, A.I. Smirnov // Russia reforming. Yearbook. Out. 16. M. : New Chronograph, 2018. P. 290–318.
7. Mareeva S.V. Poverty and social inequalities in Russia in public consciousness / S.V. Mareeva, N.E. Tikhonova // World of Russia. 2016. № 2. P. 37–67.
8. Miroshnikova O.V. Tolerance in the social space of the city / O.V. Miroshnikova, G.Yu. Shchekin, I.E. Reva // Sociology of the city. 2011. № 4. P. 29–35.
9. Obukhova E. Price of justice / E. Obukhova; Ed. M.K. Gorshkova, N.E. Tikhonova//Expert. 2017. № 9. Russian society and the challenges of time. Book three. M. : The Whole World, 2016.
10. Ryzhova S.V. Ethnic identity in the context of tolerance. M. : Alfa-M, 2011. 280 p.
11. Social factors of inter-ethnic tension in Russia : monograph / Editor-in-chief Yu.B. Epikhina, M.F. Chernysh. M. : FNISS RAS, 2017. 336 p.
12. Social factors of consolidation of Russian society: sociological dimension / Under the editorial board of corresponding member of the Russian Academy of Sciences M.K. Gorshkov. M. : New Chronograph, 2010. 256 p.
13. Tocqueville A. Old order and revolution. M. : Moscow Philosophical Foundation, 1997. 424 p.
14. The price of a luxurious life. Romir Research Holding. October 2017//ROMIR. URL : http://romir.ru/studies/970_1508965200/ (date of application 12.05.2019).

15. Эксперты правительства назвали точное число бедных работающих россиян. 2017 г. // Новости@mail.ru. URL : <https://news.mail.ru/economics/31490722/?frommail=1> (дата обращения 10.07.2019).

16. Яницкий О.Н. История городской социологии в России: эволюция идей / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 117–126.

17. URL : http://fincan.ru/articles/41_dotacii-regiona-m-rossii-2019 (дата обращения 23.08.2019).

18. URL : <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/03/14/681104-golodets> (дата обращения 07.05.2019).

19. URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0811/rossia01.php#9> (дата обращения 07.05.2019).

15. Government experts called the exact number of poor working Russians. 2017// Ново-сти@mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/economics/31490722/?frommail=1> (date of application 10.07.2019).

16. Yanitsky O.N. The history of urban sociology in Russia: the evolution of ideas / O.N. Yanitsky // Socio-logical research. 2016. № 8. P. 117–126.

17. URL : http://fincan.ru/articles/41_dotacii-regiona-m-rossii-2019 (date of application 23.08.2019).

18. URL : <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/03/14/681104-golodets> (date of application 07.05.2019).

19. URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0811/rossia01.php#9> (date of application 07.05.2019).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ледовская Оксана Викторовна

кандидат философских наук,
начальник отдела аспирантуры и науки,
Северо-Кавказский
социальный институт
ledok1001@mail.ru

Oksana v. Ledovskaya

Candidate of Philosophical Sciences,
Head of the Department
of Postgraduate Studies and Science,
North Caucasus Social Institute
ledok1001@mail.ru

ВАРИАНТЫ

**ФЕМИНИСТСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

VARIANTS

**OF FEMINIST EPISTEMOLOGY:
GENERAL AND SPECIAL**

Аннотация. Современное цивилизационное развитие претерпевает на данный момент эволюционные изменения, связанные практически со всеми сферами жизнедеятельности человека. Нравственные, ценностные, культурные ориентиры, которые служили человечеству, начинают меняться. На протяжении достаточно длительного времени широко распространение в мире, и не только в высокоразвитых странах, получило феминистское движение, которое активно вносит изменения в политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общества, влияет на развитие гуманитарного знания, распространяя свое влияние и на философию. Автор статьи с философско-культурологических позиций характеризует это явление в динамике его развития в современном обществе.

Ключевые слова: феминизм, гендер, эпистемиология, феминистское движение, постфеминизм, феминистский эмпиризм.

Annotation. Modern civilizational development is undergoing at the moment evolutionary changes associated with almost all spheres of human life. The moral, values and cultural orientations that have served humanity are beginning to change. For quite some time, the widespread use of the world, and not only in highly developed countries, has received a feminist movement, which actively changes the political, economic, social and cultural life of society, influences the development of humanitarian knowledge, spreading its influence on philosophy. The author of the article from a philosophical and cultural perspective characterizes this phenomenon in the dynamics of its development in modern society.

Keywords: feminism, gender, epistemology, feminist movement, post-feminism, feminist experience.

Современное цивилизационное развитие претерпевает на данный момент эволюционные изменения, связанные практически со всеми сферами жизнедеятельности человека. Нравственные, ценностные, культурные ориентиры, которые служили человечеству, начинают меняться. Научные парадигмы, выработанные и действующие в течение длительного времени, подвергаются пересмотру и внутренней и внешней трансформации. Были подвергнуты кардинальному пересмотру отношения между человеком и миром, которые больше не рассматриваются с точки зрения отношений господства и подчинения. Современная наука и социальная действительность сталкиваются с ситуацией, когда одновременно существуют многообразные подходы, гипотезы, теории, носящие не всегда традиционный, а иногда и альтернативный характер, что позволяет рассматривать деятельность человека, его самого, действительность в которой он существует более разнообразно, полно, в отличие от существовавшего редуцированного подхода.

Современная наука в течение короткого времени совершила прорыв, благодаря которому принесла влияние во многие сферы жизнедеятель-

ности человека. Появление и развитие новых технологий, рост влияния знаний повлекли за собой изменения, которые коснулись многих областей человеческой жизнедеятельности.

Особенностью развития науки в последние десятилетия стало то, что она вышла из тесных академических рамок и перешла в активное взаимодействие с практиками, имеющими прямое отношение к человеку и его жизни, не всегда достигая положительного результата в конечном итоге. Прежде научное знание опиралось на рациональность и объективность. Таким образом, свои методы и принципы действия повсеместно. С переходом от классического к неклассическому и постнеклассическому знанию в науке произошла переоценка методов познания, которая признала ограниченность научного познания, его субъективность, зависимость от исследователя, методов, форм получения знания. Таким образом, в науке стало невозможно утверждать, что получаемое знание соответствует абсолютной объективности. На этом фоне феминистские теории стали проявлять повышенный интерес к изучению феминистской эпистемологии.

Давая определение эпистемологии феминистики используют положения, выдвинутые Т. Куном.

«... эпистемология (теория познания) может быть представлена как стратегия оправдания, убеждений и верований, и придания им статуса научных положений, определяемых как «нормальные» и разделяемые всеми в данном сообществе. При этом очень рано в рамках эпистемологических дебатов стали различаться собственно эпистемология, методология и метод. Главные эпистемологические вопросы – вопрос о соотношении, познающего и познаваемого, об истине и ее критериях» [1].

Классическая наука пыталась постичь действительность во всем ее разнообразии, используя метафизические категории и дихотомийные оппозиции, что привело к установлению единственно истинного знания, которое стало носить «фаллоцентричный» характер. Но с подрывом в науке отношений господства/подчинения, назрела насущная необходимость найти новое интеллектуальное пространство для формирования новых дискурсивных практик.

Таким образом, законное основание для изучения и наблюдения приобрели маргинальные практики, занимающиеся познанием объектов знания, которые обладают определенной спецификой (женщины, трансвеститы и др.). «Для феминистского исследователя познающий субъект обладает конкретными желаниями и интересами, он познает в конкретном контексте и с определенной целью. Устранить чувство и заинтересованность из исследования как бы мы ни хотели, невозможно. Всякое исследование, претендующее на беспристрастность и внеэмоциональность, на самом деле содержит совершенно определенную (иногда тщательно скрываемую) пристрастность, связанную как с сохранением и воспроизведением одних и тех же поведенческих и иных моделей в обществе, так и с соответствующей ему структурой господства» [1].

Кроме того, отход от «невозмутимого, беспристрастного» знания подталкивает исследователей эпистемологов к введению в методы познания разных интерпретаций познаваемого объекта используя разные точки зрения – расы, вероисповедания, национальности и т.д.

Феминистская эпистемология, сосредоточивает свое внимание на измерении знания применительно к гендеру. Исследователи феминисты критически подходят к рассмотрению классических онтологических и эпистемологических основ науки, базирующихся на маскулинности.

Феминистское движение достаточно активно вносит изменения в политическую, экономическую, социальную, культурную жизнь общества, влияет на развитие гуманитарного знания, расширяя свое влияние и на философию. Долгое время исследования феминизма не получали широкого распространения в отечественных работах, что объясняется негативным отношением к феминизму, установками, сложившимися в советское время, которые утверждали равенство мужчин и женщин, кроме того, «женские» темы были скорее сопутствующей информацией, содержащей некоторую диковинность. Все это

привело к тому, что феминистская эпистемология оказалась практически неизученным и неизвестным разделом для широкой массы ученых.

Феминистские исследователи в рамках эмпиризма подвергли критике традиционную науку, система функционирования которой строилась и развивалась с учетом колоссального влияния андроцентризма и сексизма, что приводило к получению ограниченного знания. Для преодоления такой ситуации необходимо максимально включать женщин в науку, расширяя тем самым интеллектуальный потенциал, обогащая исследования включением в них специфических женских тем.

Представительницы концептуальной доктрины конца XX века пытались найти основания для формирования и развития особой феминистской теории знания. Феминисты, представляющие постмодернистское течение, относились весьма критически и скептически к различным теориям. Многие трактовки феминизма рассматриваются ими как имеющие двойственность, многозначность, фрагментарность. Постфеминизм в своем развитии вышел далеко за те рамки, которые были изначально поставлены представительницами предыдущих периодов. Течение «третьей волны» ушло от привязки только к одному полу, теперь феминизм ассоциируется не только с женским, изучаются теперь представители обоих полов, их взаимоотношения между собой, взаимосвязь с различными интеллектуальными, культурными, социальными структурами разного уровня.

Современная наука является постнеклассической, что стало результатом перехода от преобладания математической и механической модели научного познания так называемого «картезианского идеала науки», который существовал в течение долгого периода, к новой парадигме в науке. Смещению и замене классических идеалов науки также способствовали развитие постмодернизма, постпозитивизма и социологии знания.

Развитие направления феминистского эмпиризма выявило, что феминистские исследования являются более независимыми, так как у них отсутствует доминирующий маскулинизированный аспект. Науке в целом, и научным исследованиям, в частности, присущи проявления сексизма и андроцентризма, что по мнению феминистского эмпиризма является показателем зависимости «мужской» науки от ложных суждений, предубеждений, стереотипов, и устаревших принципов методов познания. Научный мир в достаточно сильной степени отягощен существующими стереотипами, которые значительно влияют на исследовательский процесс на всех этапах работы: сборе, исследовании, интерпретации, оформлении результатов исследования.

«Феминистская эпистемологическая позиция также по-своему раскрывает механизмы ограничения научного познания. Открещиваясь от релятивизма и частично признавая эффективность постмодернистской тактики, феминизм претен-

дует на статус подлинно «опозиционного сознания». С этой точки зрения ограничения на свободу мысли накладывает сама структура человеческой деятельности и, главным образом, ее гендерный аспект» [2, с. 84].

Феминистские теоретики полагают, что чрезмерную отягощенность науки мужской рациональностью и доминированием, а также различные сексистские предрассудки можно скорректировать включением женщин – ученых в науку. Также, феминистские эмпиристы выступают за численное увеличение женщин в академической среде, что приведет к формированию нового научного мировоззрения и обогатит науку «нетрадиционным» видением окружающей действительности.

Представители феминистского концептуализма такие как: С. Хардинг, Х. Роуз, Н. Хартсток полагают, что исследователи феминисты являются более «понимающими», «человечными», так как имеют опыт преодоления различных методов угнетения (физического, эмоционального и др.). Феминистские концептуалисты, критикуя традиционные формы научного знания, сформировали несколько эпистемологических концепций.

Литература:

1. *Здравомыслова Е.* Феминистская эпистемологическая критика: кризис социального знания и поиски выхода / Е. Здравомыслова, А. Темкина. URL : <http://www.owl.ru/library/038t.htm>
2. *Миронова Т.М.* Критика науки в методологии феминизма / Т.М. Миронова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 1. Т. 2. С. 84.

Феминистская психоаналитическая концепция исходит из того, что знание было сконструировано с мужской позиции видения мира, в основе его лежит «мужской опыт». В это же время «женский опыт» находится в маргинальной позиции по отношению к мужскому, поэтому феминисты полагают, что главной целью феминистской эпистемологии будет обращение к знанию «угнетенных», феминному опыту и вписывание его в учебники.

В рамках философии науки и феминизма сформировалась феминистская эпистемология. Являясь частью феминистской теории, основываясь на идеях постнеклассической науки и выполняя определенные функции, она представляет собой направление, критикующее патриархальную систему знания, основывающуюся на понимании «власть – знание». Феминистская эпистемология подталкивает исследователей выйти за рамки существующих стереотипов в науке, использовать выработанные феминистами «ненаучные», иногда «альтернативные» методы познания для получения более полных результатов человека, независимо от его принадлежности к полу и мира, который его окружает.

Literature:

1. *Zdravomyslova E.* Feminist epistemological criticism: the crisis of social knowledge and the search for a way out / E. Zdravomyslova, A. Temkina. URL : <http://www.owl.ru/library/038t.htm>
2. *Mironova T.M.* Criticism of science in the methodology of feminism / T.M. Mironova // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2012. № 1. Vol. 2. P. 84.

Паршин Артем Борисович

студент факультета финансов и кредита,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
artem-parshin-01@mail.ru

Терещенко Олеся Валерьевна

ведущий специалист
лаборатории социальных проблем
сельских территорий,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
olesya.tereschenko@yandex.ru

Artem B. Parshin

Student of the Faculty
of Finance and Credit,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
artem-parshin-01@mail.ru

Olesya V. Tereshchenko

Leading Specialist
Laboratories
of Social Problems Rural Areas,
Kuban State
Agrarian University
named after I.T. Trubilin
olesya.tereschenko@yandex.ru

**Молодёжные субкультуры
в современной России**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные положения, касающиеся разнообразия и истории образования субкультур. Сегодня большое количество молодых людей включено в различные субкультуры. Некоторые из них, по своей природе, замкнуты и ищут изоляции. Есть и агрессивные субкультуры. В России, как и в других странах мира, существует множество неформальных молодежных объединений. Целью авторского исследования выступило изучение концепции молодежных субкультур и их анализ особенностей их функционирования в современной России.

Ключевые слова: субкультура, молодежь, общество, культура, контркультура.

В современном мире большое количество молодых людей включено в различные субкультуры. Субкультуры – это группы людей, которых объединяют общие интересы со своими особенностями, ценностями и мировоззрением. Основой культуры может быть ваш стиль одежды, ваши манеры, ваша музыка. Субкультура – это, по сути, поиск социального статуса. После вхождения человек обычно приобретает индивидуальную внешность, отвергает общепринятые нормы и кодексы поведения. То есть форма одежды человека радикально отличается от формы одежды большинства, а музыкальные предпочтения и взгляды на происходящее вокруг него также меняются [1].

Некоторые субкультуры по своей природе замкнуты и ищут изоляции. А другие, напротив, стараются выделиться, передать свои мысли другим. Есть и агрессивные субкультуры. Они могут протестовать против общества, нарушать законы и правила [3].

**YOUTH SUBCULTURES
IN MODERN RUSSIA**

Annotation. The article deals with certain provisions concerning the diversity and history of the formation of subcultures. Today, a large number of young people are included in various subcultures. Some of them, by their nature, are closed and seek isolation. There are also aggressive subcultures. In Russia, as in other countries of the world, there are many informal associations. The purpose of our research was to study the concept of subcultures and their analysis in modern Russia.

Keywords: subculture, youth, society, culture, counterculture.

Все больше молодых людей пытаются найти свой путь, войти в любую субкультуру. В России, как и в других странах мира, существует множество неформальных объединений молодежи.

Невозможно точно сказать, когда эти или другие субкультуры начали появляться в нашей стране, но первое упоминание о них было в начале 1960-х годов. Но жесткая политическая система не позволила им развиваться, и многие неформальные группы успокоились [5].

Вторая вспышка была в 1970-х годах. Государство не смогло подавить столь бурное развитие неформальных движений и перестало этому противодействовать. В 1990-е годы в России можно было насчитать не менее десятка разных молодежных субкультур. О неформальных движениях упоминали не только журналисты и общественность, но и социологи, и психологи [2]. Ученые стали говорить о субкультурах в национальном масштабе.

Помимо субкультур, которые существуют в России более 20 лет (рокеры, байкеры, готы), выделены наиболее популярные сегодня у молодежи. Обзор источников позволил выделить следующие типы субкультур, которые актуальны в современном обществе:

1. Футбольные фанаты. Футбольные фанаты считаются преступной субкультурой. Это усугубляется тем, что фанаты являются одной из самых активных подростковых групп в России.

Что характерно для болельщиков – как правило, они даже не знают истории команд, но «в курсе» последних событий и предстоящих матчей. Для них большое значение имеет эмоциональное освобождение, способность кричать, размешивать и смешивать разные взгляды и образ жизни [5; 6]

2. Экологию. Такие молодежные движения по защите окружающей среды в России непопулярны и малочисленны (всего 4 %). Акции российского Гринписа по большей части неэффективны и являются подражанием Западу. Однако стоит отметить, что данное движение набирает популярность, во многом благодаря огласке в социальных сетях. У них есть возможность освещать свои мероприятия на широкую массу людей, создавать петиции и искать волонтеров. Такие движения удобно создавать под официальными структурами: они не могут существовать самостоятельно из-за материальных трудностей и правовых препятствий [5].

3. Рейверы. Название данной субкультуры происходит от английского слова «rave», которое означает «бредить», «бред». Рейв – это вечеринка, с «дикими» танцами, громкой музыкой. Представители данной субкультуры имеют ночной образ жизни [5].

4. Хип-хоп культура. Среди российских подростковых сообществ хип-хоп группа появилась давно и, видимо, надолго.

Когда кто-то начинает говорить о хип-хопе, сразу возникает ассоциация с английским словом «street» – улица. Считается, что это направление появилось на улицах цветных блоков в Соединенных Штатах.

Теперь направление поддерживается государственными чиновниками и становится все более популярным на сцене. Эта молодежная субкультура противостоит преступным группам подростков, потому что «Битвы» распространяются здесь только с целью установить, кто лучше владеет техникой тех или иных танцевальных стилей [6].

Среди поклонников этой субкультуры ценится ловкость, способность двигаться, и только тогда она становится необходимой силой для акробатических движений. Это очень хорошо видно на перерыве или в прерванном танце, который нашел много поклонников среди подростков. Школы хип-хопа, а также фестивали, конкурсы, в

том числе, граффити, появились и становятся все более популярными.

Это явление воплощают абсолютно уникальные и очень популярные молодежные движения. Они ярко демонстрируют желание молодых людей обновляться, «украшать» свою жизнь чем-то необычным, стараются привнести захватывающие ощущения и адреналин в серую повседневную жизнь, часто с помощью экстремальных видов спорта. Последователи этих течений собираются вместе для экстремальных видов спорта или для экскурсий по глубокой тайге, чтобы «баловаться» в тех же экстремальных условиях.

5. Диггеры. Диггеры объединяет любовь к опасностям подземного мира, закрытых объектов и территорий. Данное сообщество имеет закрытый характер, в отличие от многих других субкультур, они не пропагандируют и не освещают свои действия всем. У данной субкультуры много подвидов: рифтеры (любители крыш), сталкеры (любители закрытых объектов), и т.д. [5; 6]

6. Ролевики (ранее толкиенисты). Данная субкультура появилась изначально благодаря увлечению молодежи компьютерными играми с персонажами книг Дж. Р.Р. Толкиена «Хоббит», «Властелин колец» и др. Данная субкультура подразумевает «сходки» в костюмах и макияже (попытка перевоплощения называется косплей): участники переодеваются в эльфов, гномов, и т.д. Данные костюмы можно купить в специализированных магазинах. Часто во время сходок происходят реконструкции, бои и пр. К данной субкультуре ролевиков можно отнести увлечение аниме и к-роп культурой, что также подразумевает страсть к играм, мультфильмам, подражанию персонажам [5].

Целью нашего исследования является изучение концепции субкультур и их анализ в современной России.

Предметом изыскания стали 64 человека. 27 девушек и 37 парней. Эти люди являются студентами различных высших учебных заведений. Их возраст колеблется от 16 до 20 лет.

На вопрос: «Что означает термин «субкультура»?» 80 % опрошенных заявили, что это «система норм и ценностей, которая отличает группу от большинства общества».

К вопросу: «Вы связаны с субкультурой?» 60 % респондентов заявили, что не считают себя неким неформальным объединением, а 40 % могут считать себя определенной субкультурой.

70 % опрошенных считают, что субкультуры различаются по таким критериям, как «стиль и стиль жизни», 25 % – по «навыкам» и только 5 % – по «ценностям».

45 % респондентов заявили, что изменение мировоззрения может повлиять на предпочтения при выборе субкультуры. 30% (включая большинство девушек) считают, что мода влияет на выбор субкультуры, 23 % считают, что предпо-

чтения при выборе субкультуры меняются под влиянием других, 2 % говорят, что «Человек решает сам».

40 % анкетированных ответили, что в городе часто встречаются «рокейеры», 18 % «готовы», 12 % «панков», 10 % «диггеры», 10 % «рейверы», 10 % «ролевики».

70 % респондентов нейтрально относятся к влиянию субкультур на молодежь, 15 % положительны, 15 % отрицательны.

Что касается принадлежности к определенной субкультуре, 30 % респондентов считают, что музыка предпочтительнее, 30 % – одежда, 20 % – характер, 15 % – макияж и 5 % заметили разные признаки.

Влияние субкультур можно увидеть по внешнему виду, по мнению 60 % респондентов,

Литература:

1. Живайкина А.А. Роль культурологии в формировании личности специалиста в современном образовательном пространстве / А.А. Живайкина, Е.В. Ермолаева // Актуальные проблемы реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека. Материалы всероссийской научно-практической конференции (заочной). Редактор: Е.В. Харитоновна. 2013. С. 65–70.
2. Живайкина А.А. Текст как средство развития личности / А.А. Живайкина, И.В. Шилкина // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 12. С. 1784.
3. Сильвеструк С.В. Формирование имиджа современного врача / С.В. Сильвеструк, Е.В. Ермолаева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6. № 1. С. 213.
4. Терещенко О.В. Проблема устойчивого социального порядка в современном обществе / О.В. Терещенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 86–89.
5. Умнова Т. Современные молодежные субкультуры / Т. Умнова, Д. Бочкарева, Е.В. Ермолаева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 12. С. 1577.
6. Левикова С.И. Молодежная субкультура. М., 2004. 608 с.

27 % – на мероприятия» и 13 % на различные акции.

55 % респондентов уверены, что принадлежность студента к той или иной субкультуре может повлиять на их учебу в университете, 45 % считают, что это не так.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мотивом для создания субкультур среди молодежи является в основном стремление выделиться из общей толпы, найти свою индивидуальность и в большей степени проявить свою принадлежность к определенной субкультуре во внешних признаках. Понимая выше указанные факторы образования субкультур, можно воздействовать на формирование устойчивого социального порядка в стране и недопущения его криминализации.

Literature:

1. Zhivaykina A.A. The role of cultural studies in the formation of the personality of a specialist in the modern educational space / A.A. Zhivaykina, E.V. Ermolaeva // Actual problems of realization of social, professional and personal resources of a person. Materials of the All-Russian scientific and practical conference (correspondence). Ed.: E.V. Kharitonova. 2013. P. 65–70.
2. Zhivaykina A.A. Text as a means of personal development / A.A. Zhivaykina, I.V. Shilkina // Bulletin of medical Internet conferences. 2015. Vol. 5. № 12. P. 1784.
3. Silvestruk S.V. Formation of the image of a modern doctor / S.V. Silvestruk, E.V. Ermolaeva // Bulletin of medical Internet conferences. 2016. Vol. 6. № 1. P. 213.
4. Tereshchenko O.V. The problem of sustainable social order in modern society / O.V. Tereshchenko // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 6–7. P. 86–89.
5. Umnova T. Modern youth subcultures / T. Umnova, D. Bochkareva, E.V. Ermolaeva // Bulletin of medical Internet conferences. 2015. Vol. 5. № 12. P. 1577.
6. Levikova S.I. Youth subculture. M., 2004. 608 p.

Федоровский Александр Петрович
доктор философских наук,
профессор,
проректор по науке
и связям с общественностью,
Северо-Кавказский социальный институт
Milena.555@mail.ru

ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Аннотация. Образ будущего, формирующийся в коллективном сознании, оказывает самое непосредственное влияние, как на общественную рефлексию, так и на связанные с последней социальные практики. Автором статьи, будущее, в контексте общественного сознания, выступает в нескольких ипостасях как социокультурная норма, содержащая в себе четкое целеуказание для социального действия как социальная утопия или иная разновидность аберрации сознания общества, алармистский конструкт, предупреждающий социум о вероятностных вызовах будущего, сумма альтернатив, состоящая из взаимоисключающих прогностических моделей, набор архетипов этнокультурного сознания, продукт его глубинных структур, фаталистически инвариантный конструкт, научно обоснованная теоретическая разработка, экстраполяция в будущее содержания социокультурной ретроспективы, продуцируемая стихийному обращению к исторической аналогии, продукт функционирования обыденного сознания. В завершении своего исследования автор делает вывод, согласно которому следует всячески культивировать антиципативную рефлексию в современном обществе. Эта деятельность должна осуществляться комплексно и охватывать одновременно несколько уровней. Речь, как нам представляется, может идти о совершенствовании методологии и методик социальной прогностики, о развитии антиципативной культуры на уровне массового сознания, а также, о внедрении прогностических разработок в управленческие практики.

Ключевые слова: социокультурный образ будущего, обыденное сознание, культура, антиципативная культура, модели будущего, этнокультурное сознание.

Образ будущего, формирующийся в коллективном сознании, оказывает самое непосредственное влияние, как на общественную рефлексию, так и на связанные с последней социальные практики. На значимость прогностических интуиций указывают бесчисленные попытки заглянуть за линию темпорального горизонта, представленные в широком спектре гадательных и научно-прогностических практик. Отсутствие более или менее достоверного видения будущего препятствует появлению рациональных пове-

Alexander P. Fedorovsky
Doctor of Philosophy,
Professor,
Vice-Rector for Science
and Public Relations,
North Caucasus Social Institute
Milena.555@mail.ru

PREDICTIVE POSSIBILITIES OF SOCIAL REFLECTION

Annotation. The image of the future, which is formed in the collective consciousness, has a very direct impact on both social reflection and related social practices. The author of the article, the future, in the context of public consciousness, appears in several guises as a sociocultural norm, containing a clear target designation for social action as a social utopia or another kind of aberration of society's consciousness, an alarmist construct that warns society about the probabilistic challenges of the future, a sum of alternatives consisting of mutually exclusive predictive models, a set of archetypes of ethno-cultural consciousness, the product of its deep structures, a fatalistically invariant construct, a scientifically based theoretical development, the extrapolation into the future of the content of sociocultural retrospect, produced by spontaneous appeal to historical analogy, is the product of the functioning of everyday consciousness. At the end of his research, the author concludes that it is necessary to cultivate anticipatory reflection in modern society in every possible way. This activity should be carried out in an integrated manner and cover several levels simultaneously. It seems to us that we can talk about improving the methodology and methods of social prognostics, about the development of an anticipatory culture at the level of mass consciousness, as well as about the introduction of predictive developments in management practices.

Keywords: sociocultural image of the future, ordinary consciousness, culture, anti-citative culture, models of the future, ethnocultural consciousness.

денческих моделей, не позволяет постичь логику исторического процесса, затрудняет выработку жизненных стратегий личности.

В контексте общественного сознания будущее выступает в нескольких ипостасях:

– как социокультурная норма, содержащая в себе четкое целеуказание для социального действия;

- как социальная утопия или иная разновидность аберрации сознания общества;
- как алармистский конструкт, предупреждающий социум о вероятностных вызовах будущего;
- как сумма альтернатив, состоящая из взаимоисключающих прогностических моделей;
- как набор архетипов этнокультурного сознания, продукт его глубинных структур;
- как фаталистически инвариантный конструкт;
- как научно обоснованная теоретическая разработка;
- как экстраполяция в будущее содержания социокультурной ретроспективы, продуцируемая стихийному обращению к исторической аналогии;
- как продукт функционирования обыденного сознания.

Разумеется, все вышеобозначенные модели будущего очень редко существуют в своем «чистом» виде сколь-нибудь продолжительное время и, как правило, представляют собой тот или иной антиципативный симбиоз. В этом смысле, задача общества, равно как и представителей его теоретической мысли, состоит в обеспечении достоверности социокультурных перспектив, с целью оптимизации социальной практики. Одновременно, очень важно исследовать стимулирующее или противоположное воздействие образа будущего на социальное самочувствие общества.

Не в последнюю очередь результаты прогностической рефлексии зависят от степени развитости общественного сознания, от его умения осознавать целостность исторического процесса, от понимания сложной диалектики прошлого, настоящего и будущего. Отсутствие в обществе навыков прогностической рефлексии ставит первое в очень непростую ситуацию, когда резко увеличивается вероятность быть вовлеченным в реализацию различных утопических проектов, а также в иные контрпродуктивные действия.

Именно прогностическое сознание способно к предвосхищению, а значит и предупреждению кризисных сценариев развития социума. В этом смысле его роль состоит в диверсификации общественных усилий, обеспечивающих возможность управления сценарием социальной динамики.

Впрочем, не одна из поставленных выше задач не будет выполнена до тех пор, пока не будут даны ответы на важнейшие концептуальные вопросы, связанные с природой феномена будущего и способами его объективации. Насколько будущее является результатом свободной воли субъектов социального действия или его наступление жестко детерминировано законами общественного развития? Какова диалектика детерминизма и индетерминизма на различных уровнях жизнедеятельности общества? Континуаль-

на или дискретна история планетарного социума? В терминах какой методологической парадигмы достигается релевантность исследования антиципативной проблематики? Какова роль интуиции в антиципативном ориентировании? И это далеко не полный перечень вопросов, на которые только предстоит получить ответы.

Анализ состояния массового сознания современного российского общества указывает на слабое развитие прогностического мышления. В своем абсолютном большинстве россияне не в состоянии увидеть свои жизненные перспективы, не говоря уже о том, что бы оказывать на них осознанное и целенаправленное влияние. Социология свидетельствует о неспособности значительной части наших соотечественников составить для себя долгосрочную инвестиционную стратегию или пенсионный план, увидеть перспективы той или иной профессии, прислушаться к мнению соответствующего экспертного сообщества, выделять прогностически ориентированную информацию, содержащуюся в общем информационном массиве, а также осуществлять ее анализ.

Мы видим, что прогностическая рефлексия не просто отсутствует в практике социального управления, но принимает в ее контексте искаженные формы не позволяющие получить адекватных представлений о будущем. В структурах власти всех уровней присутствует желание либо приукрасить общественные перспективы, либо поместить позитивную картину будущего в отдаленную перспективу. Более того, мы можем констатировать обостряющийся конфликт между экспертами и управленцами-практиками, суть которого описана Р. Пеннером. Так, с точки зрения последнего проблема «не в том, хороши или плохи экономисты как прогнозисты, а в том, что политики настаивают на радужных цифрах» [2, с. 85]. Атаки управленческого корпуса на социальную прогностику могут быть сопоставимы с гонениями на генетику и кибернетику, имеющими место в прошлом. Соответственно проблема здесь не просто в том, что происходит дезинформирование общественного мнения, но и в том, что тормозится развитие прогностики как одной из отраслей социально-гуманитарного знания, которая могла бы более эффективно выполнять свои функции по обеспечению общественного прогресса.

Описываемая нами здесь ситуация обостряется еще и фактором ускорения общественной динамики, которая радикально приближает будущее, не оставляя при этом времени на его осмысление и выработку адекватного поведения. Происходит переформатирование социальных позиций, трансформируется поле социальных отношений. Социальная роль вступает в конфликт с результатами социальных ожиданий, а ролевое поведение перестает соотноситься с ролевыми атрибутами. В результате перестает действовать принцип социальных санкций. Строгое соблюдение социальной роли не только не гарантирует позитивных санкций ее исполнителю, но, напротив, оборачивается негативными санкциями. В свою очередь отказ от следования роле-

вым предписаниям может неожиданно обернуться получением тех или иных социальных предпочтений.

Не менее сложно становится предвидеть и характер институциональных изменений. Не вызывает сомнений тот факт, что мы становимся свидетелями трансформации институциональной системы, в лице ее важнейших социальных институтов. Если говорить об институте семьи, то здесь имеет место перераспределение внутриинституциональных ролей, связанное с интенсивным распространением гендерного эгалитаризма и феминистских настроений в современном посттрадиционном обществе.

Новизна возникающих проблем не позволяет обеспечить их предвосхищение посредством исторической аналогии. Все меньше остается признаков циклического развития общества. Никакой опыт не может гарантировать своего повторения в будущем. Речь, в данном случае, идет о феномене глобализации, заявившей о себе как о главном тренде современности. Глобализация сопровождается формированием единого планетарного социума, отдельные части которого тесно связаны между собой. Далее вступает в действие закон, согласно которому

Литература:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
2. Триппет Ф. Заглядывая в завтрашний день / Ф. Триппет // Впереди 21 век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999. М., 2000. С.85.

усложнение социальной системы влечет за собой зависимость каждой из подсистем, ослабляя, тем самым, устойчивость системы в целом. Из сказанного следует вывод, что предсказание локального сбоя, способного нарушить баланс системы осуществить значительно сложнее, чем тренды социетального уровня. Примером сложности предсказания глобальных катастроф могут стать предсказания технологических сбоев, ведущих к далеко идущим последствиям. Драматизм ситуации подчеркивается У. Бекком, полагающим, что «в оценке опасности все оказываются заложниками измерительных приборов, теорий и, прежде всего, незнания – включая незнание экспертов...» [1, с. 6].

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, согласно которому следует всячески культивировать антиципативную рефлексию в современном обществе. Эта деятельность должна осуществляться комплексно и охватывать одновременно несколько уровней. Речь, как нам представляется, может идти о совершенствовании методологии и методик социальной прогностики, о развитии антиципативной культуры на уровне массового сознания, а также о внедрении прогностических разработок в управленческие практики.

Literature:

1. *Bec W. Risk Society. On the way to another modern. M., 2000.*
2. *Trippet F. Looking into the future / F. Trippet // Ahead of the 21st century: perspectives, forecasts, futurologists. Anthology of modern classical prognosts. 1952–1999. M., 2000. P. 85.*

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Лазриев Игорь Геннадьевич

офицер отдела
(подготовки войск связи)
управления связи,
штаб ЮВО,
подполковник
Pantiac038@mail.ru

Igor G. Lazriev

Officer of the Department
(training of liaison troops)
Communications Management,
Headquarters of the Southern Military District,
Lieutenant Colonel
Pantiac038@mail.ru

**Военно-политическое
влияние США и стран НАТО
на подконтрольных территориях
с применением модульных
полевых подвижных пунктов
управления**

**POLITICAL-MILITARY INFLUENCE
OF THE USA AND NATO COUNTRIES
IN THE CONTROLLED TERRITORIES
USING MODULAR FIELD MOBILE
CONTROL POINTS**

Аннотация. Целью данной статьи является исследование военно-политической обстановки в современном мире, складывающейся непосредственно под влиянием острой конкурентной борьбы мировых держав-лидеров совместно с военно-политическими коалициями государств за расширение сфер своего влияния, за контроль над экономическими центрами, а также, за обеспечение гарантированного доступа к районам, которые богаты природными ресурсами. США Америки и страны НАТО создают для управления ВС и контроля военно-политической обстановки на других территориях современные мобильные полевые подвижные пункты управления.

Annotation. The purpose of this article is to study the military-political situation in the modern world, which is formed directly under the influence of the acute competitive struggle of the world's leading powers together with military-political coalitions of states for expanding their spheres of influence, for control over economic centers, as well as for ensuring guaranteed access to areas that are rich in natural resources. The United States of America and NATO countries are creating modern mobile field mobile control points for the management of the Armed Forces and control of the military-political situation in other territories.

Ключевые слова: военно-политическая обстановка, система управления, операция модульные пункты, подвижные пункты, управление, военное дело, мобильный командный пункт.

Keywords: military-political situation, control system, operation, modular points, mobile points, management, military affairs, mobile command post.

Постановка проблемы. Военно-политическая обстановка на Западе характеризуется высокой динамичностью, обусловленной социально-экономическими изменениями, происходящими практически во всех южно европейских странах, сохранением нестабильности, а также, продолжением активной военной деятельности НАТО. Важным фактором развития ситуации на Западе является углубление всестороннего международного сотрудничества, направленного, прежде всего, на ускорение евроатлантической интеграции. При этом усилению интеграционных процессов, способствует также стремление государств региона к объединению усилий в интересах противодействия новым угрозам, исходящих от террористических и экстремистских организаций [1; 2].

роста террористической опасности [3; 4] в близлежащих районах, включая юг Европы.

В то же время, негативное влияние на ситуацию на Западе оказывает дальнейшее усиление борьбы между США и ведущими европейскими государствами за сферы влияния, что способствует нарастанию противоречий в отношениях между ними и обуславливает формирование различных подходов к решению основных региональных проблем [5]. Нормализации взаимоотношений и развитию плодотворного сотрудничества препятствует продолжающийся мировой финансово-экономический кризис и обострение проблемы нехватки природных ресурсов [6].

«Революционные» события и приход к власти исламистских сил в ряде арабских государств создают дополнительные предпосылки для возникновения межгосударственных конфликтов и

Соединенные Штаты Америки стремятся укрепить свое военное и экономическое присутствие, расширить возможности по контролю за маршрутами транспортировки энергоносителей в Европу из других регионов. При этом Вашингтон осуществляет оптимизацию системы американ-

ских военных объектов в ЮЕР и направляет основные усилия на строительство такой региональной системы безопасности, которая обеспечивала бы геостратегическое доминирование США в Средиземноморской зоне и за ее пределами. Одновременно руководство Белого дома добивается более активного участия южно-европейских стран в операциях, проводимых Пентагоном в различных регионах мира.

За последнее десятилетие в вопросах военной связи и технологиях военных коммуникаций произошли заметные изменения. США и НАТО, в целом, стали уделять большое внимание, при организации связи, современным информационным технологиям, так как современные информационные технологии позволяют иметь необходимую информацию о своих войсках и войсках противника в «режиме онлайн», что позволяет сократить среднее время подготовки к атаке, увеличив при этом вероятность поражения цели.

Таким образом, на смену фронтовым и армейским операциям времён Первой и Второй мировых войн (Великой Отечественной войны) приходит глобальная наземно-морская-воздушно-космическая операция, которая приобрела объёмный характер, для чего страны НАТО стали применять в использовании для мобильности модульные полевые подвижные пункты управления для управления штабами.

Модульные полевые подвижные пункты управления (МППУ) является специально оборудованное и оснащённое техническими средствами транспортное средство и прочие элементы, такие как пневмокаркасные модули, палатки, и т.д., развёртываемые в районах чрезвычайных ситуаций. Они обеспечивают функционирование оперативных групп территориальных органов при реализации управления средствами и силами в районах военных действий или чрезвычайных ситуаций.

Цель статьи заключается в исследовании особенностей модульных полевых подвижных пунктов управления для контроля военно-политической обстановки и ведению боевых действий на подконтрольных территориях.

Основное изложение материала.

Кардинально изменяется система управления. Она тоже становится объёмной и использует весь набор современных средств связи и услуг, которые опираются на глобальную информационную систему («информационную решётку», представляющую собой группировку разведывательных, коммуникационных и навигационных космических летательных аппаратов США и блока НАТО, в целом, на околоземной орбите). Это позволяет доставлять информацию в реальном масштабе времени и ставить задачи огромному числу подразделений, т.е., на смену иерархической системе управления приходит новая, высокоскоростная, с одновременной передачей информации, уже разделённой для потребителей. Такая система управления значительно сокращает время на принятие решения, а это одно из

основных требований современного боя и операции.

Как показывает опыт локальных войн последних десятилетий, Пентагон уделяет большое внимание пунктам управления. Продолжающаяся в настоящее время реформа ВС, является составной частью общей реорганизации американских вооружённых сил. Трансформация ВС базируется на новых современных технологиях, в том числе информационных, позволяющих создавать новые образцы военной техники а именно модульных полевых подвижных пунктов управления и высокоточного оружия, повысить оперативность и эффективность боевого управления и взаимодействия мобильных соединений с силами и средствами наземного базирования в наступательных и оборонительных операциях на Южно-Европейском ТВД.

Мобильный командный пункт – это комплекс аппаратно-программного обеспечения, размещённый в мобильном модуле и обеспечивающий организацию подключения точки к сетям передачи данных, в том числе, по спутниковым каналам связи, а также, условия для отдыха и выполнения функций должностным лицам [7, с. 116].

Модуль может поставляться в различных модификациях с разными вариантами размещения чиновников и (или) мест в зависимости от назначения и функциональной специализации. Состав внутреннего оборудования определяется требованиями заказчика.

Мобильный пункт управления обеспечивает комфортное проживание группы на несколько дней в полевых условиях, даёт возможность организовать полноценное рабочее место и перевести крупногабаритное оборудование.

Система резервного питания пункта оборудования позволяет использовать его в автономном режиме в течение длительного периода времени.

При разработке мобильных модулей учитываются, в том числе, требования к транспортировке различными видами транспорта. Выполнение данного вида требований значительно расширяет географию возможного использования мобильных точек и увеличивает скорость развёртывания в самых удалённых уголках страны [7, с. 133].

У разных государств свои требования к обеспечению мобильных модулей командного пункта. Так, США используют мобильный модуль командного пункта MMSD (рис. 1).

Модуль командного пункта (MMSD) предназначен для обеспечения командно-штабных рабочих мест в полевых условиях. Информационное оборудование обеспечивает взаимодействие с и удовлетворяет потребности автоматизированных систем поддержки командования и безопасности операций. Подходящая конфигурация и возможность стыковки модулей MMSD позволяет использовать их на командных пунктах (SD, ZSD, WSD) оперативного и тактического звена [7, с. 34].

Рисунок 1 – Модуль командного пункта (MMSD) в США

Кроме того, командно-штабной контейнер (KD-S), который является частью MMSD, установлен на автомобиле JELCZ 662, а командно-штабной контейнер (KD-Soc.) Или технический контейнер (КТ) – на прицепе. MMSD может питаться от промышленной сети или полевой системы электроснабжения или от трехфазной электростанции 3 x 400 / 230В переменного тока, установленной на техническом контейнере (КТ). MMSD предназначен для колесного транспорта, а также для транспортировки по железной дороге, воздуху и морю.

MMSD состоит из:

- командно-штабной контейнер (KD-S), перевозимый на автомобиле;
- командно-штабной контейнер (KD-Soc.) или технический контейнер (КТ), перевозимый на прицепе.

Мобильный модуль командного пункта – MMSD уровня части / подразделения предназначен для обеспечения рабочих мест для командно-штабных операций в полевых условиях.

Телеинформационная инфраструктура позволяет создать до 3-х независимых телеинформационных сетей и 10 автоматизированных рабочих мест (с возможностью расширения до 12), а также использовать оборудование для управления средствами радиосвязи. Это также позволяет использовать радиостанции для управления транспортными средствами в удаленных местах.

Информационное оборудование обеспечивает взаимодействие с Автоматизированными системами поддержки управления и безопасности операций. Подходящая конфигурация и стыковка модулей MMSD позволяет использовать их на командных пунктах более низкого уровня (части и подразделения). Короткое время развертывания и складывания обеспечивает высокую мобильность в боевых действиях в стране и в зарубежных командировках.

Оборудование:

- вездеход;
- 15 футовый контейнер;
- технический модуль (электрогенератор и технические принадлежности);

компьютерное оборудование, обеспечивающее 10 автоматизированных рабочих мест (с возможностью расширения до 12);

- кондиционер, отопление.

Интерфейсы и линии подключения:

- 5 кабельных линий (с многожильным кабелем PKS-4 x 2 x 0,34) типа ETHERNET по стандарту 10/100 / 1000Base – Tx;
- 1 линия XDSL;
- 8 линий для удаленного оборудования от радиостанций;
- 20 телефонных линий от RWLC-10 / T укрытия.

Модуль MMSD адаптирован для питания от промышленной сети или полевой системы электроснабжения или от трехфазной электростанции 3x400 / 230В переменного тока (с допуском фазного напряжения от 195,5В до 253В). Дополнительно в модуле есть два ИБП для обеспечения бесперебойной работы компьютерного оборудования [8].

В Великобритании используют командный пункт NIXUS PRO X (рис. 2, 3). Командный пункт NIXUS PRO X – состоит из 4 палаток PRO, расположенных в форме X вокруг соединительного модуля, PRO X обеспечивает большую крытую площадь (до 185 квадратных метров), которую можно использовать как единое рабочее пространство или как 4 отдельные, но взаимосвязанные рабочие зоны.

Рисунок 2 – Командный пункт NIXUS PRO X

Рисунок 3 – Командный пункт NIXUS PRO X (вид сверху)

Одна или несколько палаток могут быть заменены в конфигурации X контейнером ISO, предварительно настроенным для конкретных приложений, таких как безопасное хранилище, комната для хранения вещей, комната для оборудования связи и т.д.

Командный пункт NIXUS PRO X состоит из 4 палаток PRO, расположенных в форме X вокруг соединительного модуля. Полученная структура

обеспечивает большую крытую площадь (до 185 квадратных метров), которую можно использовать либо как единое рабочее пространство, либо как 4 отдельные, но взаимосвязанные рабочие зоны [9].

Основным преимуществом командного пункта NIXUS PRO X является скорость установки по сравнению с возведением одной большой конструкции той же общей площади пола. Мало то-

го, что палатки NIXUS PRO устанавливаются очень быстро, обычно менее 10 минут, но и 4 палатки PRO, расположенные вокруг центрального соединительного модуля, могут быть установлены одновременно, что еще больше сокращает время установки.

Командный пост NIXUS PRO X идеально подходит для использования в военных, гуманитарных или спасательных целях. Это долговечное решение для работы в экстремальных погодных условиях с множеством опций, позволяющих настроить его в соответствии с вашими требованиями. Его площадь от 125 до 185 м² с 4 отдельными рабочими зонами. Разработан для сверхбыстрого развертывания с минимальными тру-

дозатратами. Экстремальная атмосферостойкость, подходит для очень холодных, пустынных и тропических условий

Бесшовные пневматические трубки высокого давления (4–6 бар) диаметром 6 дюймов обеспечивают жесткую конструкцию.

Следующая разновидность модульных полевых подвижных пунктов управления, используемая многими странами Европы, – NIXUS PRO (рис. 4). Это модульная надувная палатка общего назначения, в которой используются сверхмощные пневматические опорные трубы, накачанные до высокого давления для обеспечения прочности и устойчивости.

Рисунок 4 – Командный пост NIXUS PRO

Ключевые особенности командного поста NIXUS PRO:

- Прочность и стабильность за счет надувных опорных труб высокого давления;
- Жесткая конструкция с хорошей устойчивостью к сильным ветровым и снеговым нагрузкам;
- Стабильность даже при резких перепадах температуры между днем и ночью;
- Быстрая настройка и время простоя с минимальными трудозатратами;
- Дизайн позволяет взаимодействовать с другими PRO для создания большего здания [9].

Командный пост NIXUS PRO обычно используется как для полевого командного пункта, так и просто для размещения.

Прочность и устойчивость палаток NIXUS PRO под нагрузкой обусловлена их конструкцией из тяжелых бесшовных пневматических труб диа-

метром 6 дюймов с рабочим давлением от 4 до 8 бар. Использование трубок высокого давления делает конструкцию палатки жесткой и устойчивой, а также устойчивой к сильным ветровым и снеговым нагрузкам. Версия PRO-ELR (увеличенное сопротивление нагрузке) доступна для миссий со снеговой нагрузкой более 50 кг/м² в сочетании с ветровой нагрузкой 33 м/с.

Еще одним преимуществом использования трубок высокого давления является их устойчивость к колебаниям температуры окружающей среды, поэтому нет необходимости в постоянном контроле давления или заправке воздухом. Минимальное давление (разрушение) палатки составляет всего 1,5 бар, поэтому с таким широким диапазоном рабочего давления палатки PRO являются лучшим выбором для использования в самых суровых условиях, от экстремально холодных мест до пустыни и тропической жары.

Прочность конструкции распространяется на все компоненты: навес палатки PRO выполнен из непрозрачной полиэфирной ткани 1000 D с по-

крытием из ПВХ с обеих сторон. Это делает материал водонепроницаемым, огнестойким и подходящим для очень низких температур до $-50\text{ }^{\circ}\text{C}$ с дополнительной ИК-мембраной.

NIXUS PRO выполнен в двухцветном режиме с серым цветом внутри и оливково-зеленым или песочным цветом снаружи. Каждая палатка упакована в прочный непромокаемый мешок из ПВХ с ремкомплектom.

Экстремальная атмосферостойкость, подходит для очень холодных, пустынных и тропических условий. Высокая несущая способность при высоких ветровых и снеговых нагрузках.

Бесшовные пневматические трубки высокого давления (4–6 бар) диаметром 6 дюймов обеспечивают жесткую конструкцию. А модульная конструкция позволяет использовать несколько конфигураций блоков для создания больших зданий.

Разработана данная модель для быстрого развертывания с минимальными трудозатратами.

Схожей по функциональности является модель NIXUS ERA – модульная надувная палатка, позволяющая создавать многокомнатные конструкции различной планировки, например: полевой командный пункт, жилой блок со смежными комнатами, склад или склад и т.д. Почти вертикальные стороны обеспечивают максимальную полезную площадь пола.

Ключевая особенность:

- Модульная конструкция, позволяющая создавать многокомнатные конструкции различной планировки 20 размеров – от 3,5 м в ширину × 2,4 м до 6,0 м в ширину × 7,5 м в длину;
- Количество и положение дверей и окон можно варьировать;
- Могут быть добавлены камуфляжные, тепловые или инфракрасные солнцезащитные козырьки;
- Противоскользкий пол из ПВХ.

Рисунок 5 – Модель NIXUS ERA

Отметим, что NIXUS ERA – единственная модульная надувная палатка с наклонными опорными балками, обеспечивающими более вертикальные боковые стенки. Это дает большую эффективность внутреннего пространства, что делает палатку идеальной для размещения военных, чрезвычайных / гуманитарных служб или офисов.

Есть две версии ERA. Версия с расстоянием между балками 200 см представляет собой сверхмощную палатку, в первую очередь предназначенную для жилых помещений, а версия с шагом балки 250 см предназначена для быстрого развертывания и там, где важны меньший вес и транспортный объем. Также существуют раз-

личные типы внешней ткани весом от 650 г/м^2 до 250 г/м^2 .

Прочность и устойчивость палаток NIXUS ERA под нагрузкой обусловлена их конструкцией из тяжелых бесшовных пневматических труб диаметром 6 дюймов с рабочим давлением от 4 до 8 бар. Использование трубок высокого давления делает конструкцию палатки жесткой и устойчивой, а также устойчивой к сильным ветровым и снеговым нагрузкам.

Еще одним преимуществом использования трубок высокого давления является их устойчивость к колебаниям температуры окружающей среды, поэтому нет необходимости в постоянном кон-

троле давления или заправке воздухом. Минимальное давление (разрушение) палатки составляет всего 1,5 бар, поэтому с таким широким диапазоном рабочего давления палатки ERA являются лучшим выбором для использования в самых суровых условиях, от очень холодных мест до пустыни и тропической жары.

Военная палатка NIXUS ERA или палатка для оказания чрезвычайной/гуманитарной помощи выполнена в двухцветном режиме с серым цветом внутри и оливково-зеленым или песочным цветом снаружи. Каждая палатка упакована в прочный водонепроницаемый пакет из ПВХ с ремкомплект.

Почти вертикальные внутренние стены делают эту палатку идеальной как для использования под подвижной пункт, так и в качестве жилого помещения.

Экстремальная атмосферостойкость, подходит для очень холодных, пустынных и тропических условий. Бесшовные пневматические трубки высокого давления (4–6 бар) диаметром 6 дюймов обеспечивают жесткую конструкцию.

Литература:

1. *Гафиатулина Н.Х.* Социальная коммуникация в профилактике конфликтов : учебно-методическое пособие / Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин. М. : РУСАЙНС, 2016. 164 с.
2. *Shakhbanova M.M.* The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of interethnic tolerance (the case of the south of russia) / M.M. Shakhbanova [et. al.]. In the collection: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Сер. «Contributions to Economics». Switzerland, 2020. P. 417–430.
3. *Брусенцева Д.М.* Модель противодействия освещению деятельности террористической организации в медиапространстве / Д.М. Брусенцева, Н.Х. Гафиатулина. Ростов-н/Д., 2018.
4. *Shakhbanova M.M.* The factors of escalation of ethno-political tension in the south of russia / M.M. Shakhbanova [et. al.] // В книге: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Сер. «Contributions to Economics» Switzerland, 2020. P. 405–415.
5. *Верещагина А.В.* Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи / А.В. Верещагина, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 32–37.
6. *Нечепуренко В.Н.* Антикризисная экономическая политика: проблемы компетентности и управления / В.Н. Нечепуренко, С.И. Самыгин // В сборнике: Модернизация экономики России: отраслевой и региональный аспект. Материалы

Модульная конструкция позволяет использовать несколько конфигураций блоков для создания больших зданий. Модель разработана для быстрого развертывания с минимальными трудозатратами.

Выводы. Подытоживая вышесказанное, отметим, что ППУ предназначены для того, чтобы обеспечить круглосуточную и автономную работу оперативной группы территориальных органов в различных районах или военных действий (в полевых условиях) с целью выполнения таких задач:

- обеспечить надежное и бесперебойное управление средствами и силами единой государственной системы по предупреждению, как в мирное, так и в военное время;
- обеспечить своевременную и устойчивую связь с вышестоящим органом управления;
- обеспечить мониторинг и прогнозирование развития ЧС и пр. в военно-политической обстановки в Мире.

Literature:

1. *Gafiatulina N.Kh.* Social communication in conflict prevention: training manual / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin. M. : RUSAYNS, 2016. 164 p.
2. *Shakhbanova M.M.* The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of interethnic tolerance (the case of the south of russia) / M.M. Shakhbanova [et. al.]. In the collection: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Сер. «Contributions to Economics». Switzerland, 2020. P. 417–430.
3. *Brusentseva D.M.* A model of counteracting coverage of the activities of a terrorist organization in the media space / D.M. Brusentseva, N.Kh. Gafiatulina. Rostov-on/D., 2018.
4. *Shakhbanova M.M.* The factors of escalation of ethno-political tension in the south of russia / M.M. Shakhbanova [et. al.] // В книге: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Сер. «Contributions to Economics» Switzerland, 2020. P. 405–415.
5. *Vereshchagina A.V.* Paradoxes of tolerance and deviant behavior of young people / A.V. Vereshchagina, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. № 4. P. 32–37.
6. *Nechepurenko V.N.* Anti-crisis economic policy: problems of competence and management / V.N. Nechepurenko, S.I. Samygin // In the collection: Modernization of the Russian economy: sectoral and regional aspects. Materials of the interna-

международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. 2017. С. 271–275.

7. *Бождай А.С.* Основы управления геоинформационными проектами : учебное методическое пособие / А.С. Бождай, Ю.И. Евсеева, А.А. Гудков. Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. 44 с.

8. *Братановский С.Н.* Государственное управление транспортным комплексом в Российской Федерации : монография / С.Н. Братановский, О.Г. Остапец; Ин-т государства и права РАН. М. : Рускайнс, 2021. 286 с.

9. Представлены впервые: главные новинки оружия и военной техники 2019 года. URL : <https://rg.ru/2019/12/30/predstavleny-vpervye-glavnye-novinki-oruzhiia-i-voennoj-tehniki-2019-goda.html>

tional scientific-practical conference of the teaching staff, young scientists and students. 2017. P. 271–275.

7. *Bozhdai A.S.* Fundamentals of geoinformation project management : textbook / A.S. Bozhdai, Yu.I. Evseeva, A.A. Gudkov. Penza : Publishing House, 2018. 44 p.

8. *Bratanovsky S.N.* State management of the transport complex in the Russian Federation : monograph / S.N. Bratanovsky, O.G. Ostapets; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, M. : Rusains, 2021. 286 p.

9. Presented for the first time: the main novelties of weapons and military equipment in 2019. URL : <https://rg.ru/2019/12/30/predstavleny-vpervye-glavnye-novinki-oruzhiia-i-voennoj-tehniki-2019-goda.html>

Мамиева Бэла Юрьевна

старший преподаватель
кафедры международной журналистики,
Юго-Осетинский государственный
университет имени А. Тибилова
popov-52@mail.ru

Качмазова Зарина Николаевна

старший преподаватель
кафедры международной журналистики,
Юго-Осетинский государственный
университет имени А. Тибилова
popov-52@mail.ru

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА
В АСПЕКТЕ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО
КОНФЛИКТА: ПОДГОТОВКА,
ПРОВЕДЕНИЕ, ОСНОВНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Аннотация. Летом 2008 г., во время грузино-осетинского конфликта, между Грузией и Россией развернулась информационная война, которая рассматривается нами, как яркий пример современных информационных кампаний, в которых правительственные круги сражаются за символическую мощь в сфере СМИ, в том числе, с опорой на сотрудничество с агентствами «паблик рилейшнз». В данной научной работе мы рассмотрим основные характеристики информационной войны между Грузией и Россией. В завершение публикации авторы подчеркивают, что информационная война обеспечивает давление, которое быстрее, чем иные формы разрешения конфликта, оказывает влияние на баланс сил конфликтующих сторон, переговорные процессы, нацеленные на поиск оптимальных решений.

Ключевые слова: информационная война, вооруженный конфликт, фреймирование, информанты, PR-война, PR-агентство.

Грузино-Осетинский конфликт 2008 г. широко освещался в мировых СМИ, начиная с момента его вспыхивания. 13 августа 2008 г. газета «Таймс» сообщает о начале информационной войны между Грузией и Россией. В статье, озаглавленной «Грузия проигрывает сражение с Россией, но одерживает победу в PR-войне», отмечается, что грузинская сторона разворачивает «упорную операцию», обеспечивающую журналистов актуальной информацией о текущих событиях, а российская сторона, по большому счету, пренебрегает международными СМИ [Халпин, Бойерс, 2008].

Вскоре, аргументы в пользу того, что Грузия выиграла PR-войну, были представлены журнали-

Bela Yu. Mamieva

Senior Lecturer of the Department
of International Journalism,
South Ossetian State University
named after A. Tibilov
popov-52@mail.ru

Zarina N. Kachmazova

Senior Lecturer of the Department
of International Journalism,
South Ossetian State University
named after A. Tibilov
popov-52@mail.ru

**INFORMATION WAR
IN THE ASPECT
OF THE GEORGIAN-OSSETIAN
CONFLICT: PREPARATION, CONDUCT,
BASIC CHARACTERISTICS**

Annotation. In the summer of 2008, during the Georgian-Ossetian conflict between Georgia and Russia, an information war broke out, which we see as a vivid example of modern information campaigns in which government circles fight for symbolic power in the media sphere, including relying on cooperation with agencies «public relations». In this scientific work, we will consider the main characteristics of the information war between Georgia and Russia. At the end of the publication, the authors emphasize that the information war provides pressure that, faster than other forms of conflict resolution, has an impact on the balance of forces of the conflicting parties, negotiation processes aimed at finding the best solutions.

Keywords: information war, armed conflict, framing, informants, PR-war, PR-agency.

стами газет «Гардиан» [2] и «Нью-Йорк Таймс» [3]. Вспыхнувшая информационная война и вовлечение в нее различных PR-агентств, становится в мировых СМИ одной из доминирующих тем. Вскоре, после окончания военных действий, В.В. Путин, премьер-министр Российской Федерации, «поздравил» организаторов западной пропагандистской машины, охарактеризовав ее деятельность как нечестную и аморальную.

Момент вспыхивания вооруженного конфликта совпал с летними отпусками и началом Олимпийских игр в Китае, что существенно повлияло на организацию и характер освещения текущих военных событий. Многие из журналистов, специализирующихся на освещении подобных со-

бытий, находились либо в отпусках, либо уехали на Олимпийские игры в Китай. Подавляющее большинство репортеров, прибывших в Тбилиси, не обладало достаточными знаниями о стране, оптимальным опытом работы в кризисных регионах. Один из наших информантов в этот период встречался с британским журналистом, который даже не мог произнести имени Грузинского президента.

Не имея достаточного опыта, данные репортеры оказались не в состоянии решить тех информационных проблем, которые были выдвинуты текущим положением дел. Грузинские ПР-команды призваны были вовлечь прибывших иностранных репортеров в процесс освещения боевых действий, обеспечивая их необходимой информацией.

Вместе с тем, факт бомбардировки Цхинвала грузинскими войсками проблематизирует идею о том, что СМИ, обладая независимостью, объективно освещают важные политические события. Эксперты, в частности, констатируют широкомасштабное использование олимпийской темы западными и грузинскими СМИ (в августе 2008 г. Олимпийские игры проводились в Пекине) в процессе информационной конфронтации с Россией. Данная тематика задействовалась с целью привлечения максимально возможной аудитории. Вначале, грузинские политические деятели заявляют о том, что все грузинские спортсмены возвращаются в Тбилиси.

Позже, данная информация была опровергнута М. Саакашвили, который, в свою очередь, выразил мысль об участии спортсменов в Олимпийских играх, как возможности упрочить честь страны, переживающей трудные времена. При закрытии Олимпийских игр США обеспечили грузинских спортсменов (которые не выиграли ни одной медали) возможностью нести американский флаг. Данный шаг неявно сообщал мировому сообществу, на чьей стороне американцы в разразившемся конфликте. Естественно, что подобные информационные сигналы были услышаны самой широкой аудиторией, смотревшей закрытие Олимпийских игр в Пекине.

Развернувшуюся информационную кампанию можно охарактеризовать, как хаотичную и лишённую системных оснований.

Итальянский журналист П. Д'Емилия говорит о том, что грузинской стороной было сделано все, чтобы удовлетворить информационные потребности журналистов, в том числе, были предложены переводчики, водители, организованы интервью и брифинги [4].

К примеру, министр внутренних дел Грузии Шота Утиашвили подсчитал, что в период военных действий он дал 1100 интервью [5].

Президент Грузии М. Саакашвили принимал личное участие в развернувшейся информационной кампании и, прибегая к своим собственным контактам со СМИ, организовывал интервью. Он дал несколько интервью таким телеви-

зионным каналам, как CNN, BBCWorld. Одно из этих интервью проводилось в прямом эфире [7]. Когда западные журналисты позже осуществляли анализ грузинской ПР-кампании, они подчеркивали личное участие М. Саакашвили, использовали этот факт, как аргумент в пользу того, что Грузия одержала победу в развернувшейся информационной войне [2; 3; 6].

Хотя у грузинского правительства отсутствовала строго определенная ПР-стратегия ведения военных действий, некоторые темы и сообщения заняли центральное положение в коммуникации грузинских официальных лиц со СМИ. Упор делался, прежде всего, на той идее, что Грузия оказалась жертвой российской агрессии. Приоритетная цель заключалась в том, чтобы показать, что Россия захватывает территории Грузии, обладающие суверенитетом, а не проводит миротворческие операции, как это утверждалось некоторыми официальными источниками.

Другой целью стало освещение причин «российской агрессии», которой, якобы, предшествовала серия провокаций, нацеленных на дестабилизацию ситуации в регионе.

Развернувшаяся информационная стратегия не только поддерживала грузинскую версию развития военных событий, но и принижала значение утверждений со стороны России. Для Грузии было важно внедрять в сознание западной общественности мысль о том, что Россия распространяет ложную информацию. Освещение действий России, как ненадежного и лживого участника конфликта, явилось намеренной тактикой. В результате реализации этой тактики, создавался образ зловещей России, который Грузия стремилась внедрить в сознание западной общественности. Важной при этом, считалась идея о том, что Россия говорит неправду, а грузинская сторона заявляет истину.

Российские военные были, по всей видимости, готовы к проведению боевых действий с грузинской армией. Российская 58 армия передислоцировалась в Южную Осетию в первые же часы 8 августа, спустя несколько часов после массированного обстрела Цхинвала с грузинской стороны. Некоторые грузинские оппозиционные деятели и западные дипломаты выражают мнение, что Россия готовила «ловушку» для грузинской стороны. Признается, что именно Грузия первой начала боевые действия, но в контексте «провокаций» и «ошибок».

Молниеносная реакция России на артиллерийский обстрел Цхинвала грузинской стороной усилил впечатление среди аналитиков, что российские военные планировали атаку на Грузию и ждали для этого благоприятного предлога. В интервью В. Четеряну Н. Буржаназе отметила, что то, что произошло в Южной Осетии, является провокацией, в течение длительного времени подготавливаемой Россией, но проблема заключается в том, что грузинское правительство завело свой народ в ловушку (более подробно см. 8, с.163).

Августовская война 2008 г. разразилась в момент острой напряженности между Россией и Западом. Российское руководство выражало обеспокоенность в отношении планов НАТО рассмотреть вопрос о членстве Грузии и Украины, как и решения США разместить антибаллистический ракетный щит в Чехии и Польше. Одностороннее объявление независимости Косово и ее немедленное признание США и главными европейскими государствами стало еще одним предметом спора между Кремлем и западными столицами. Не принимая во внимание события в Косово в феврале 2008 г., трудно осознать Грузино-Осетинский конфликт, разразившийся шестью месяцами позже.

Военные события 2008 г. оказались провалом для международных посредников найти мирное решение конфликту, вспыхнувшему на Кавказе. Э. Фурнье, посол Франции в Грузии, заявил, что «структуры, ответственные за мирное разрешение конфликтов, не предприняли необходимых шагов, чтобы предотвратить войну» (более подробно см. [8, с. 165]). Миссия ООН в Грузии была уполномочена быть посредником между абхазским и грузинским руководством, а миссия ОБСЕ в Грузии несла ответственность за конфликт между Грузией и Осетией. Международные организации предпринимали попытки найти мирное решение конфликту в рамках территориальной целостности государства, что неизбежно привело к поддержке грузинской позиции в разрешении проблем, связанных с Абхазией и Южной Осетией.

Несмотря на все попытки дипломатов, которые были задействованы в этих миссиях, международная поддержка в предотвращении боевых действий не возымела должного результата. Военные и экономические интересы великих держав не всегда соответствуют дипломатическим решениям ООН и ОБСЕ. Интересы Запада, связанные с транспортировкой нефти, стремление США ограничить российское влияние, американское военное сотрудничество с Грузией в сфере «войны с террором» позволили Тбилиси отказаться от дипломатии и искать разрешения конфликта с опорой на другие средства.

В конце 1980-х – нач. 1990-х гг. грузинское руководство прибегало к силе для регулирования этнических конфликтов, что, в свою очередь, возымело катастрофические результаты. После того, как был подписан мирный договор, бывший президент Грузии Э.А. Шеварднадзе выражал двойственную позицию в отношении стратегии разрешения конфликта: проводя переговоры с Абхазией, он фактически, игнорировал проблемы, связанные с Южной Осетией. Международные посредники инициировали переговоры с Южной Осетией, полагая, что Грузино-Осетинский конфликт является наиболее «простым» из двух конфликтов, а прорыв в разрешении проблем между Грузией и Осетией может способствовать разрешению ситуации, сложившейся между Грузией и Абхазией.

Грузинская сторона имела другую точку зрения, полагая, что после достижения согласия с Абха-

зией, легче будет найти решение проблемам Южной Осетии. Проводя переговоры, Грузия не отказывалась от военных угроз. Абхазия была дважды атакована регулярными военизированными формированиями при поддержке грузинского министерства внутренних дел, сначала в мае 1998 г., а потом в октябре 2001 г. Пришедший к власти М. Саакашвили, выступил за мирную интеграцию провозгласивших свою независимость регионов, но, менее чем через год (летом 2004 г.), грузинские войска силой попытались войти в Цхинвал. Данная двойственность, предполагающая и мирные переговоры, и вооруженное давление, привела к отчуждению абхазцев и южных осетин от Грузии.

Августовская война 2008 г. продемонстрировала, что дипломатические попытки к мирному разрешению конфликта не оправдались.

СМИ заявили, что Грузия оказалась победителем в развернувшейся информационной войне, но считали ли себя победителями грузинские ПР-консультанты? Грузия добилась успеха в первой фазе информационной войны, когда с опорой на соответствующее масс-медийное освещение событий, удалось вызвать симпатию Запада по отношению к Грузии. Как утверждалось, западная поддержка стала не только результатом эффективной ПР-кампании со стороны Грузии, но и обуславливалась позитивным стечением обстоятельств, позволившей Грузии удачно выйти из развернутой ею информационной войны.

Согласно мнению грузинских аналитиков, если бы Россия вывела свои войска из Южной Осетии, объяснение действительного положения дел оказалось бы для Грузии более сложной задачей. Признавалось, что утверждения России противоречат ее фактическим действиям. В связи с этим, Грузии более легко удалось объяснить свою версию событий, а именно представить себя в глазах Запада как жертву.

Неоднократно упоминался тот факт, что спустя некоторое время после военных действий в Южной Осетии, общий масс-медийный образ Грузии стал испытывать неудачи. Грузия «без усилий» выигрывала информационную войну с Россией», непосредственно до публикации некоторой статьи в «Нью-Йорк Таймс», в которой грузинская версия событий ставилась под сомнение [9]. Эта публикация, безусловно, «нанесла сокрушительный удар» грузинской стороне.

Таким образом, суть информационной войны Грузии в период военных действий 2008 г. состояла в освещении того, что вспыхнувший конфликт стал следствием вторжения российских войск в суверенную Грузию. В основе этой информационной войны лежала идея о борьбе Грузии за независимость и демократию.

Как имманентная часть информационной войны, грузинская сторона активно задействует метод «навешивания ярлыков», в контексте грузино-осетинского конфликта предполагающий установление исторических параллелей между раз-

личными событиями, создание неблагоприятного образа России, освещение военных действий Грузии, как борьбы за независимость. Тот факт, что Грузия борется за независимость и демократию, отражен в заявлении М. Саакашвили, сделанном им 12 августа 2008 г.

В частности, грузинский президент отметил, что за текущий пятидневный период конфронтации образу России – по сравнению с Финской войной 1939 г. – нанесен более серьезный ущерб; за один час Россия ввела в Грузию 1200 танков, что значительно больше, чем было введено в Афганистан в 1979 г., Венгрию в 1956 г., Чехословакию в 1968 г. Тбилиси 12 августа 2008 г. представляется Грузинским президентом Прагой 1968 г., Будапештом 1956 г., Финляндией и Келио 1939 г.

М. Саакашвили проводит параллели между прошлыми и настоящими событиями, утверждая, что текущий ход истории разворачивается таким же образом, как это было в 1939 г., 1956 г. и т.д. Грузинский президент указывает, что Тбилиси 12 августа 2008 г. является, в частности, Прагой 1968 г. – утверждение, в основе которого стремление разрушить различия между несколькими событиями, каждое из которых, по мнению М. Саакашвили, отражает одну и ту же типовую модель. Предлагая вниманию общественности данные комментарии, грузинский президент призывает нацию к обозрению грузинского опыта испытания вторжения со стороны сильного соседа, как одного из многочисленных эпизодов, которые формируют модель агрессивного российского экспансионизма, направленного против маленьких государств.

Д. Бакрадзе, спикер грузинского парламента, 12 августа 2008 г. заявляет, что Сухуми и Цхинвал стали тем, что Иерусалим представляет собой для еврейского народа. Грузия, по мнению Д. Бакрадзе, обретет власть над Сухуми и Цхинвалом, даже если на это уйдет 10, 100, 500 или 1000 лет. События последних нескольких дней воспринимаются спикером грузинского парламента не как поражение, а как эпизод более длительной истории, который, в конце концов, приведет Грузию к победе.

Согласно грузинским правительственным чиновникам, события августа 2008 г. беспристрастно освещались грузинскими СМИ, которые не предполагали ведения какой-либо информационной войны против России. Вместе с тем, эти события трактуются в Грузии, как трагический пример активной «Кремлевской пропаганды», разработавшей миф о «тысячах осетинах, уничтоженных грузинскими фашистами». «Кремлевская пропаганда» усматривается и в том, что международное новостное агентство «РИА Новости» официально открывает в Тбилиси свой офис. Спустя несколько дней, трансляция российских передач была приостановлена вследствие косвенного давления со стороны грузинской общественности.

Практически все российские общенациональные телевизионные каналы и газеты с первыми же

обстрелами спящего Цхинвала реактивными установками «Град», четко обозначили свою антигрузинскую позицию, основанную, не столько на обязательности следования редакционной политике государственных СМИ, сколько на искреннем неприятии кощунственных действий, предпринятых молодчиками М. Саакашвили.

Особо хотелось бы отметить работу российского круглосуточного телеканала «Вести», который, в силу своего формата и, естественно, профессионализма журналистского состава, доносил полную и объективную информацию до миллионов зрителей, обеспокоенных судьбой маленькой республики, став своего рода связующей нитью между тылом и передовой... Дмитрий Щугарев, Ирина Россиус, Екатерина Гринчевская, Мария Моргунов, Михаил Зеленский и др. смело включались в бессрочное информационное противостояние, подчас не скрывая эмоций и нарушая тем самым требования беспристрастности, но подтверждая вновь и вновь верховенство морали, сострадания и гуманности.

Подводя некоторый итог вышесказанному, хотелось бы заметить, что, к сожалению, грузино-южосетинский конфликт показал, что во многом Россия оказалась не готова к такой масштабной информационной агрессии со стороны Запада.

Рассмотрим в качестве примеров еще несколько телематериалов российских и грузинских СМИ.

9 ноября 2008 г. один из тбилисских телеканалов передал информацию, в которой делается ссылка на интервью председателя Союза журналистов Республики Южная Осетия Батрадза Харебова сухумской газете «Эхо Абхазии». По утверждению грузинского телеканала, число жертв грузинской агрессии против РЮО 08–12 августа составило 70 человек. Комментарии Батрадза Харебова по данному поводу: «После того, как очередная попытка захвата Грузией территории Южной Осетии завершилась полным провалом, тбилисское руководство, вынашивая реваншистские планы, стало все чаще прибегать к различного рода диверсиям, причем, это не только акции по захвату и убийству людей, организации взрывов, но и информационные диверсии. Чаще всего, используется следующий метод, когда из контекста выступления или высказывания берутся отдельные фразы, которые либо перебираются, либо отрываются от основного текста, полностью искажая его суть. Не только политики становятся объектами такого рода диверсий. Достается и ученым, и общественным деятелям и даже нашему брату-журналисту», – сказал Харебов.

Он сообщил, что в октябре месяце редакторы газеты «Эхо Абхазии» Виталий Шария и Надежда Венидиктова три дня провели в Цхинвале, своими глазами увидели масштабы разрушений, беседовали со многими людьми и прекрасно представляют себе, сколько человек погибло в Цхинвале и селах республики.

«Во время наших бесед прозвучала и цифра 70 убитых, но касалась она исключительно ми-

ротворцев. Данные эти приводились командованием миротворческих сил. В данном случае, злой умысел со стороны абхазских журналистов я полностью исключаю, поскольку знаю их давно и полностью им доверяю. Здесь могло быть только какое-то недоразумение. Мной направлено им письмо, которое будет опубликовано. Не думаю, что грузинские СМИ также будут его цитировать», – подчеркнул журналист. – «И еще об одном. Газета «Республика», с которой я тесно сотрудничаю, в первом послевоенном выпуске опубликовала предварительные списки жертв грузинской агрессии. В них вошли почти 400 человек. И все мы понимаем, что если этот список будет изменяться, то только в сторону увеличения. В работе над этими списками участвовал и я. Кроме того, мной за послевоенные три месяца написано более 50 статей для СМИ Цхинвала, Владикавказа, Москвы, и нигде не указывается цифра 70 убитых, а приводятся реальные данные. Тбилисские специалисты по масс-медиа прибегли к подобным действиям, прежде всего, для того, чтобы очернить, оклеветать, оболгать всех тех, кого считают серьезными противниками», – подчеркнул Хареев.

16 января в Кремле прошло награждение российских журналистов, работавших в Южной Осетии. Д.Медведев наградил орденами и медалями тех журналистов, которые объективно и оперативно передавали информацию с места событий. Среди награжденных были, в частности, корреспонденты Первого канала Антон Степаненко и Олег Грознецкий, корреспондент телеканала ТВЦ – Евгений Поддубный, корреспонденты НТВ – Руслан Гусаров, Вадим Гончаров вместе со своими операторами и продюсер-оператор НТВ в Южной и Северной Осетии Петр Гассиев. Именно благодаря таким профессионалам своего дела и самоотверженным людям, мир узнал правду о Южной Осетии, и чаша весов в информационном пространстве склонилась, в конце концов, в сторону РФ.

На наш взгляд, кровавый август 2008 явственно показал, что делать погоду в российских СМИ – это полдела. Важно, как на то или иное действие

Литература:

1. *Халпин Т.* Грузия проигрывает сражение с Россией, но выигрывает в PR-войне / Т. Халпин, Р. Бойерс. URL : www.timesonline.co.uk/tol/news/world/Europe/article4518254ec
2. *Треймор Я.* Отважная маленькая Грузия: PR-агентство Саакашвили выигрывает на втором фронте. URL : www.guardian.co.uk/world/2008/aug/16/georgia.russia/print
3. *Леви К.Дж.* Россия превалировала на земле, но не в средствах массовой информации. URL : www.nytimes.com/2008/08/22/world/Europe/22moscow.html
4. *Де'Эмилия Р.* Отчетность из Осетии: Российские войска на Грузинской земле. URL : www.japanfocus.org/-Pio-d_Emilia/2925

отреагирует Запад, тем более, что он сам постоянно ищет подходящий момент и планомерно наступает на Россию. А последняя безумная агрессия со стороны Грузии показала, что даже такая мощная информационная машина, как российская, с трудом противостояла западному PR.

Недавние события на Украине подтверждают необходимость радикальных изменений в стратегиях России в сфере глобальной масс-медийной политики. Текущие методы борьбы Запада с Россией во многих отношениях оказываются идентичными тем, которые имели место в 2008 г. Необходимо подчеркнуть, что информационная война обеспечивает давление, которое быстрее, чем иные формы разрешения конфликта, оказывает влияние на баланс сил конфликтующих сторон, переговорные процессы, нацеленные на поиск оптимальных решений. В процессе информационной конфронтации между Грузией и Россией заметно увеличилось количество сторонников вооруженного разрешения конфликта в Южной Осетии среди грузинского населения. Так, продолжение боевых действий поддерживало только 20 % националистически настроенных граждан Грузии. С течением времени эта цифра увеличилась до 80 %, вследствие усилившихся оскорблений и нападков в адрес России со стороны внешних и внутренних СМИ.

В современном мире СМИ существенно видоизменяют представления о реальности. Россия задействует эти возможности неэффективно. В результате, когда против нее разворачивается информационная кампания, Москва не всегда адекватно реагирует на иницилируемые операции. Необходимо разрабатывать методы, превентивные меры, направленные на предотвращение информационного влияния и формирование общественного мнения зарубежной аудитории, с опорой на национальные интересы России. Реализация оптимальных информационных кампаний будет способствовать продуктивности официальных переговоров в период политических кризисов открытых военных конфликтов.

Literature:

1. *Halpin T.* Georgia loses the battle with Russia, but wins in the PR war / T. Halpin, R. Boyers. URL : www.timesonline.co.uk/tol/news/world/Europe/article4518254ec
2. *Trainor Ya.* Brave little Georgia: Saakashvili's PR agency wins on the second front. URL : www.guardian.co.uk/world/2008/aug/16/georgia.russia/print
3. *Levy K.J.* Russia prevailed on Earth, but not in the mass media. URL : <http://www.nytimes.com/2008/08/22/world/Europe/22moscow.html>
4. *De'Emilia R.* Reporting from Ossetia: Russian troops on Georgian soil. URL : www.japanfocus.org/-Pio-d_Emilia/2925

5. *Роджерс Дж.* PR-битва за Кавказ. URL : www.bbc.co.uk/worldservice/documentaries/2009/10/081029_caucasus_docshtml

6. *Уилби П.* Грузия выиграла PR-войну. URL : www.guardian.co.uk/media/2008/aug/18/pressandpublishing.georgi

7. *Уильямс Дж.* Отделение фактов от художественного вымысла. URL : www.bbc.co.uk/blogs/theeditors/2008/08/separating_fact_from_fiction.html

8. *Четерян В.* Августовская война в 2008 г. в Грузии // *Central Asian Survey*. 2009. Vol. 28. № 2. P. 155–170.

9. *Чиверс К. Дж.* Грузия провоцирует Россию на войну. URL : www.nytimes.com/2008/11/07/world/europe/07/georgia.html?pagewanted=1&sq=ryan%20grist%20south%20ossetia&st=cse&scp=1

5. *Rogers J.* PR battle for the Caucasus. URL : www.bbc.co.uk/worldservice/documentaries/2009/10/081029_caucasus_docshtml

6. *Wilby P.* Georgia won the PR-war. URL : www.guardian.co.uk/media/2008/aug/18/pressandpublishing.georgi

7. *Williams J.* Separating facts from fiction. URL : www.bbc.co.uk/blogs/theeditors/2008/08/separating_fact_from_fiction.html

8. *Cheteryan V.* The August War in 2008 in Georgia // *CentralAsianSurvey*. 2009. Vol. 28. № 2. P. 155–170.

9. *Chivers K. Дж.* Грузия провоцирует Россию на войну. URL : www.nytimes.com/2008/11/07/world/europe/07/georgia.html?pagewanted=1&sq=ryan%20grist%20south%20ossetia&st=cse&scp=1

Терещенко Олеся Валерьевна
ведущий специалист лаборатории
социальных проблем сельских территорий,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
Olesya.tereschenko @yandex.ru

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КРИЗИСА ДУХОВНОСТИ НА КРИМИНАЛИЗАЦИЮ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В данной статье проводится политологический анализ некоторых источников духовного кризиса современного российского общества, находящегося в процессе реформирования, в результате чего им переживается глубокий системный кризис, который затронул и духовно-нравственную сферу. Автором обосновывается взаимосвязь, существующая между этим кризисом и криминализацией общества и делается вывод о том, что без духовного возрождения России в ней не будет побеждена преступность и не сформируется устойчивый социальный и политический порядок.

Ключевые слова: кризис, криминализация, преступность, духовность, политический порядок, политика, власть, социальный порядок, образование, культура.

Вторая половина 1980 г. была отмечена в истории нашей страны попытками со стороны ее руководства вывести ее на качественно новый уровень развития без подрыва устоев коммунистической системы. В духовной сфере наблюдалось явление, которое можно назвать как культурный ренессанс, когда в нашей стране стал возрождаться интерес к отечественной истории, ее духовным и культурным корням. В результате этих процессов, ученые и широкая общественность стали получать доступ к историческим документам, отечественным и зарубежным исследованиям государства и общества, благодаря чему начались переосмысление и переоценка многих страниц отечественной истории, роли в ней ошельмованных или недоступных для объективного научного исследования вклада государственных, политических деятелей, ученых в российскую историю и науку.

Именно в эти годы началось возрождение в нашей стране религии, десятилетия находившейся под запретом и подвергавшейся репрессиям в советском государстве, исповедовавшем воинственный атеизм, в следствие чего все направления мировых религий в достаточно короткий отрезок времени получили мощный толчок для возрождения своего влияния на массо-

Olesya V. Tereshchenko
Leading Laboratory Specialist
the Social Problems of the Rural Territories,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
Olesya.tereschenko@yandex.ru

POLITOLOGICAL ANALYSIS EFFECTS OF THE CRISIS OF SPIRITUALITY CRIMINALIZATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

Annotation. This article analyzes some sources of the spiritual crisis of modern Russian society in the process of reforming and, therefore, a deep systemic crisis that has affected the spiritual and moral sphere. The author justifies the relationship that exists between this crisis and the criminalization of society. It is concluded that without the spiritual revival of Russia, it will not defeat crime and will not form a stable social order.

Keywords: crisis, criminalization, crime, spirituality, social order, education, culture.

вое сознание. Под влиянием этих процессов в последующие четверть века государством возвращается их прежним владельцам и ведется строительство новых объектов религиозного культа, что позволило религиозным деятелям, за исключением лидеров религиозного экстремизма, оказать позитивное воздействие на духовность представителей той части общества, которая «пришла» в лоно церкви. И если религиозный ренессанс в нашей стране происходит достаточно высокими темпами, то культурно-духовное возрождение нашей страны не шло такими же высокими темпами по целому ряду причин:

– на протяжении первых постсоветских десятилетий российское общество находилось под влиянием идеологии потребления и наивного заблуждения о приоритете западных ценностей над традиционными российскими, которые если и не отвергались, то отодвигались на второй план;

– в условиях системного кризиса, как минимум, четвертая часть населения нашей страны, а именно – более 40 миллионов человек, относящихся к категории бедных, если верить статистике, в первую очередь, была озабочена физическим самовывживанием, потому что более по-

ловины своего дохода им приходилось тратить на продукты питания [1].

С учетом же того обстоятельства, что за годы реформирования российского общества в этом состоянии оказалось еще больше людей, немалая их часть пополнила ряды устойчиво бедных и маргинальных групп, которые оказались, практически, лишены шансов на успешную социальную жизнь, вряд ли кого из них может интересовать духовная и культурная жизнь общества, да и их самих [2], а те из наших граждан, кто ведет сравнительно благополучную в материальном отношении жизнь, оказались в плену идеологии общества потребления, полагая, что следование его стандартам и является фактором успешности и принадлежности к ценностям западной цивилизации. Для них материальные блага стали доминирующим ориентиром в жизненных стратегиях, а массовое заблуждение, выражающееся в тезисе «деньги не пахнут», толкает их на противоправную деятельность в сфере бизнеса и в повседневной жизни в тех случаях, когда им не грозят правовые санкции со стороны государства.

Подобные аморальные установки исповедуются не только представителями бизнес – сообщества, но и других сфер деятельности, что подтверждается многочисленными социологическими исследованиями. В совокупности, сложившаяся в российском обществе морально-психологическая обстановка, которая не меняется в нашей стране на протяжении уже достаточно продолжительного времени, служит одним из важных условий глубокого духовного кризиса, который также достаточно длительное время стимулируют:

– крайне негативные условия социальной среды, о чем мы уже вели речь в начале публикации;

– размытые официально декларируемые нормы поведения и допустимые способы достижения личностью своих целей, санкций за их нарушение.

Отсутствие же социально-политического контроля за процессом адаптации личности к изменяющимся условиям существования приводят к конформистскому подчинению личности среде, пассивному восприятию ею действительности, уходу от жизни и как следствие – неприятию этой действительности или приверженности к, разного рода, формам отклоняющегося поведения [3].

Подобное состояние духовной сферы личности многими исследователями определяется как anomia. Достаточно полное ей определение дается Р.М. Макайвером: разрушение чувства принадлежности индивида к обществу, в результате чего человек не сдерживается своими нравственными установками, для него не более никаких нравственных норм, а только несвязные побуждения, он потерял чувство преемственности, долга, ощущение существования среди людей. Он скептически относится к жизненным ценностям других. Его единственной религией становится философия отрицания. Он живет только

непосредственными ощущениями, у него нет ни будущего, ни прошлого [4].

Многие указанных выше признаков anomia, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, достаточно ярко проявляются в российском социуме в результате тяжелой культурной травмы, нанесенной ему в ходе перестройки и реформ [5, с. 10]. Наиболее ярко она проявилась в сфере культуры в результате ее повреждения в ходе распада СССР, когда был запущен механизм ее разрушения, расщепления шкалы ценностей на «уровнительную», «социал-либеральную» и «либерально-экономическую», приверженность к которым стала одним из источников конфликта поколений [5, с. 10].

В результате трансформации системы культурных кодов, например, в образовании, произошла подмена его цели с воспитания зрелой, гармонично развитой личности, присущей советской системе образования на воспитание конкурентноспособной и эффективной личности [6]. Под давлением этой культуры, вопреки разуму и совести большинства идет сдвиг к эгоцентризму, в результате чего этика любви, сострадания и взаимопомощи ушла в катакомбы, диктовать стало право сильного [5, с. 123–124].

Anomia как элемент духовного кризиса общества, наряду с другими его деформациями в нравственной и социальной сфере, явились факторами, стимулировавшими противоправное поведение личности и криминализацию общества, в том числе, и в политической сфере. Характерной чертой этого процесса стало исчезновение самой возможности различения, существующего между социально позитивным и негативным поведением, действиями. Криминализация на поведенческом уровне стала выражаться в ускоренной подготовке резерва преступного мира посредством вовлечения в антисоциальные действия молодежи, подростков, разрушением позитивных социализирующих возможностей общества [7; 8].

Духовно-нравственная деформация российского общества, став одним из факторов его криминализации, стимулировала:

– деформацию мировоззрения представителей элит из властных и политических структур в сторону признания системного кризиса в духовной жизни российского общества как закономерного явления в процессе его трансформации по пути демократии и либерализма;

– коррумпированность практически всех ветвей власти, представители которой достаточно продолжительное время принимали решения и оказывали разлагающее влияние на политическую и социально-экономическую жизнь общества в групповых или собственных интересах;

– криминализацию бизнеса и части представителей органов государственной и региональной власти и его слияние с организованной преступностью в результате декларированного новой властью(но, в основном, стихийного) перехода

экономики страны на рыночные рельсы, который сопровождался «шоковой» терапией и практически неуправляемым со стороны государства процессом перераспределения общенародной собственности в интересах нарождающегося класса нуворошей;

– рецидивность преступности, потому что ни власть, ни гражданское общество мало интересовала судьба лиц, освобожденных из мест заключения, которые, практически не имея материальной и социальной поддержки для адаптации к изменившимся жизненным условиям со стороны государства, были обречены вновь возвращаться к преступной деятельности [8].

Но, как показывает исторический опыт и не только в нашей стране, борьба с криминализацией общества не будет эффективной, если власть станет концентрировать свои усилия только на правовой сфере установления политического порядка в обществе. Она должна их направить:

– на политическую сферу обеспечения социально-правового порядка в обществе в направлении укрепления политических институтов и органов государственной власти, совершенствования политической системы общества;

– на социальную сферу, создав оптимальные условия на повышении уровня благосостояния людей. К сожалению современная социально-экономическая политика государства этому если и способствует, то настолько слабо, что реальных сдвигов в этом направлении не ощущает большинство населения нашей страны;

– на систему образования, направив его в традиционное русло отечественной образовательной парадигмы, в которой обучение и воспитание существуют неразделимо друг от друга;

– на культурную жизнь общества, наполнив ее гуманистическим и высоким нравственным содержанием, чтобы поставить заслон дальнейшей вестернизации и либерализации отечественной культуры;

– на духовную сферу общества, кризис которой в период перехода нашей страны к рыночной экономике разрушил традиционные для него, исторически сложившиеся ценностные ориентиры, на смену которым пришла мораль стихийного рынка, базировавшая долгое время на криминальной морали.

К нашему глубокому сожалению, политико-правовая, социально-экономическая, культурно-образовательная и духовная составляющие реформирования российского общества на протяжении четверти века оказались на периферии государственной стратегии его реформирования в соответствии с новыми историческими и политико-правовыми условиями, в результате чего из сферы науки, культуры, образования, здравоохранения вынуждены были уйти миллионы специалистов не только из-за нищенских зарплат, но и из-за слабого научно-технического обеспечения этой сферы жизнедеятельности общества, что привело к падению престижа этих социально

значимых видов деятельности. А так как именно эти элементы бюджетной сферы нашего государства, начиная с 1990-х гг., и по сей день финансируются по остаточному принципу, то духовное и культурное возрождение российского общества может растянуться на долгие годы, а, следовательно, и столь же продолжительным станет и процесс его декриминализации, хотя, с другой стороны, культурное и духовное развитие социума может прогрессивно изменяться только эволюционным путем в отличие других его сфер (экономики, права, политики, технологий и пр.), которые могут успешно реформироваться и в условиях революционных перемен.

В то же время, для того, чтобы у культурно-духовной сферы общества существовали стимулы для эволюционного развития, государством должны быть созданы необходимые для этого политические, правовые и социально-экономические условия.

В настоящее же время большинство аналитиков вынуждены констатировать то, что для реализации таких возможностей у нашего государства и у властных структур недостаточно материальных ресурсов, но и те, которыми они располагают, используются крайне неэффективно. Да и само общество, его гражданские и политические институты, по-прежнему не проявляют должной активности, не прилагают особых усилий по выходу из духовного кризиса, чему можно найти немало объяснений, а именно:

– современные институты гражданского общества никак не могут выйти из зачаточного состояния;

– политическая жизнь российского общества также находится в аморфном состоянии, в результате чего оппозиционные политические партии, «прикормленные» государственной властью, нередко, только имитируют активную политическую деятельность, в результате чего, не пользуются у основной массы населения авторитетом и поэтому лишены с его стороны политической поддержкой, а так называемая, системная оппозиция, зачастую представляет собой пятую колонну, являясь проводником анти-российской политики Запада;

– большая часть населения страны продолжает находиться в крайне тяжелом экономическом положении, в том числе, и в результате регулярно переживаемых российской экономикой кризисов; и это обстоятельство оказывает негативное влияние на его гражданскую и социально-политическую активность;

– непрекращающаяся полоса, так называемых, реформ образования и науки в результате его скудного бюджетного финансирования не приносит ожидаемого положительного эффекта, особенно в сфере гуманитарного знания, которое призвано, в первую очередь, выполнять мировоззренческую, воспитательную функции.

В завершение выше сказанного, мы пришли к выводу о том, что пока государство не будет

уделять этим сферам жизнедеятельности российского общества должного внимания, никакое суровое законодательство и мощный репрессивный аппарат не смогут обеспечить устойчивый демократический правовой, политический и социальный порядок в российском обществе, а нашу страну продолжают покидать талантливые ученые, высоко квалифицированные специалисты и другие категории наших соотечественников, кого не устраивает, в первую очередь, сложная политическая и социально-экономическая ситуация в стране, сохраняющаяся на протяжении десятилетий, начиная с 1980-х гг.,

Литература:

1. *Осадчая Г.И.* Здоровье населения мегаполисов и провинции: гендерный аспект / Г.И. Осадчая // Социальная политика и социология. 2005. № 3.
2. *Манучарян А.К.* Социальная пассивность как институциональный фактор дестабилизации российского общества / А.К. Манучарян // Современные исследования государства и общества. 2016. № 1–2.
3. *Лисовский В.Т.* Социология молодежи. СПб., 1996.
4. *Феофанов К.А.* Социальная аномия: обзор подходов американской социологии / К.А. Феофанов // СОЦИС. 1992. № 5.
5. *Кара-Мурза С.Г.* Аномия в России: причины и проявления. М., 2013.
6. *Назаров М.М.* Социальная справедливость: современный российский контекст//СОЦИС. 1999. №11.
7. *Кривошеев В.В.* Особенности аномии современного российского общества / М.М. Назаров // СОЦИС. 2004. № 3.
8. *Попов М.Ю.* Молодежные девиации в условиях М., 2019. социальной трансизии: криминологический и теоретико-правовой анализ / М.Ю. Попов, Ю.Ю. Бугаенко.

нездоровый морально-психологический климат в обществе, отсутствие реальных перспектив для реализации своих профессиональных знаний и карьерного роста, в том числе, и из-за неэффективной бюджетной политики органов власти и системной коррупции. Именно поэтому иного выхода они для себя не видят, кроме выезда из страны в более благополучные в социально-экономическом и морально-психологическом отношении государства, где их таланты и способности, высокая профессиональная квалификация находят должное применение и достаточно высокую общественную оценку.

Literature:

1. *Osadchaya G.I.* Health of the population of megacities and provinces: the gender aspect / G.I. Osadchaya // Social policy and sociology. 2005. № 3.
2. *Manucharyan A.K.* Social passivity as an institutional factor of the destabilization of Russian society / A.K. Manucharyan // Modern research of the state and society. 2016. № 1–2.
3. *Lisovsky V.T.* Sociology of youth. SPb., 1996.
4. *Feofanov K.A.* Social anomie: a review of the approaches of American sociology / K.A. Feofanov // SOCIS. 1992. № 5.
5. *Kara-Murza S.G.* Anomie in Russia: causes and manifestations. M., 2013.
6. *Nazarov M.M.* Social justice: the modern Russian context / M.M. Nazarov // SOCIS. 1999. № 11.
7. *Krivosheev V.V.* Features of the anomie of modern Russian society / V.V. Krivosheev // SOCIS. 2004. № 3.
8. *Popov M.Yu.* Youth deviations in the conditions of social transience: criminological and theoretical-legal analysis / M.Yu. Popov, Yu.Yu. Bugaenko. M., 2019.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:

**Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.**

Корректор – Попов М.Ю.
Оригинал-макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 23.03.2020
Подписано в печать 25.03.2020
Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Печать riso. Уч.-изд. л. 3,7
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 60

e-mail: id.yug2016@gmail.com